

СПИН

Роберт Чарльз Уилсон

Роберт Чарльз Уилсон

Спин

Серия «Звёзды новой фантастики»

Серия «Спин», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67774526

Спин: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-389-21094-3

Аннотация

Однажды вечером трое молодых людей вышли на лужайку Казенного дома, чтобы полюбоваться звездами. И увидели, как звезд не стало.

Прошли годы. Звезды так и не вернулись на небосвод, один из юношей выучился на врача, девушка ушла в религию, а второй юноша стал богом.

«Спин» – это роман о предсмертном рывке человечества в космос, о несовершенстве демиурга, о поисках спасательного круга в бушующем океане глобальной катастрофы. Но в первую очередь это роман о любви.

Это текст, созданный рассказчиком в медикаментозном бреде. Это коварная, обманчиво прозрачная, но тесная паутина слов. Это твердая научная фантастика, где рожденный автором мир не вызывает ни малейших вопросов. Это сказание о том, как люди проживают год за годом, ежедневно глядя в глаза неизбежной

смерти. Это роман-поэма и романкакофония, где биг-бэнд Дюка Эллингтона громыкает «Гарлемским воздуховодом», Майлз Дэвис пронзительно выводит «Семь шагов на небеса», а Аструд Жилберту с хрипотцой поет «Лицо, которое люблю».

И любовь разорвет нас в клочья. Снова.

Содержание

4 × 10 ⁹ нашей эры	6
Казенный дом	12
Взросление в закипающей воде	33
Свихнувшееся время	64
4 × 10 ⁹ нашей эры	80
В Беркширах поговаривают о конце света	88
Все меняется	118
4 × 10 ⁹ нашей эры	151
Беспокойные ночи	167
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Роберт Чарльз Уилсон

Спин

Robert Charles Wilson
SPIN

Copyright © 2005 by Robert Charles Wilson
All rights reserved

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

4×10^9 нашей эры

Все мы падаем, и каждый где-нибудь да приземлится.

Например, в Паданге. Мы сняли номер на третьем этаже гостиницы в колониальном стиле: идеальное место, чтобы не привлекать лишнего внимания. Уединение обошлось в девятьсот евро за сутки. Бонусом шел балкон с видом на Индийский океан.

В погожие дни, а в последнее время в них не было недостатка, с балкона виднелся ближний край Дуги. Вертикальная белесая линия уходила от горизонта в самую высь, за голубую дымку. Впечатляющее зрелище: с западного побережья Суматры взгляду открывается лишь небольшой фрагмент конструкции, выходящей из-под воды за Ментавайскими островами. Дальняя опора Дуги спускается к подводным вершинам Восточно-Индийского хребта. До них от Паданга больше тысячи километров. Чтобы представить масштаб сооружения, возьмите обручальное кольцо и аккуратно поставьте его на ребро в блюде с водой. Поставили? Так вот, блюде – это Индийский океан, а надводная часть кольца – это Дуга, соединяющая Зондский желоб и Восточно-Индийский хребет в районе экватора. На суше она протянулась бы над Индией с запада на восток, от Бомбея до Мадраса. Или, скажем, над США – от Нью-Йорка до Чикаго, но это очень

приблизительно.

Почти всю вторую половину дня Диана провела на балконе, обливаясь потом в тени выцветшего полосатого зонтика. Вид завораживал ее, и я радовался, что она – после всех злоключений, выпавших на нашу долю, – не разучилась наслаждаться подобными вещами. На душе стало легче.

Вечером я присоединился к ней. На закате здесь очень красиво. Сухогруз, легко скользивший к порту Телук-Баюр, походил на ожерелье огоньков в прибрежном мраке. Опора сияла, словно отполированный алый гвоздь, скрепляющий небо с океаном. В городе темнело, и мы наблюдали, как тень Земли взбирается все выше по ближнему краю Дуги.

Эта технология, если вспомнить знаменитую цитату, «неотличима от магии». Воздушные и водные массы свободно циркулируют под Дугой между открытым океаном и Бенгальским заливом, в то время как суда перемещаются в неведомые дали, – разве не магия? Что это за чудо инженерной мысли, благодаря которому конструкция радиусом в тысячу километров выдерживает собственный вес? Из чего она сделана и как работает?

Ответить на эти вопросы мог бы, наверное, только Джейсон Лоутон. Но Джейсона с нами не было.

Диана разлеглась в шезлонге. Ее желтый сарафан и нелепая соломенная шляпа с огромными полями уже тонули в густом сумраке. Безупречно гладкая ореховая кожа. В глазах притягательно блестят последние лучи солнца, но лицо по-

прежнему настороженное.

Диана подняла голову:

– Ты с утра сам не свой.

– Хочу кое-что записать, – ответил я. – Пока не началось.

Что-то вроде мемуаров.

– Боишься что-то упустить? Тайлер, не глупи. Память не сотрется, ничего подобного не происходит.

Нет, не сотрется. Однако есть риск, что воспоминания сгладятся, расфокусируются, потеряют очертания. У препарата были и другие побочные эффекты, временные и терпимые, но потеря памяти приводила меня в ужас.

– К тому же все шансы на твоей стороне, – добавила Диана. – Ты сам прекрасно знаешь, что вероятность искажения воспоминаний довольно мала. Да, она есть, но это всего лишь вероятность.

Если процедура и сказалась на ее памяти, это, пожалуй, даже пошло Диане на пользу.

– Все равно, – возразил я, – мне будет спокойнее, если я кое-что запишу.

– Если передумал, давай отложим. Дождемся момента, когда будешь готов.

– Я уже готов.

Мне самому хотелось в это верить.

– В таком случае нужно приступить сегодня вечером.

– Знаю. Но в ближайшие недели...

– Не факт, что тебе захочется что-то записывать.

– Не захочется, а придется.

В число побочных эффектов входила графомания, но это меня не смущало.

– Посмотрим, что скажешь, когда накроет тошнота. – Диана сочувственно улыбнулась. – Что ж, все мы боимся что-то потерять.

Неприятное замечание. Мне не хотелось углубляться в эту мысль.

– Давай-ка просто приступим к делу, – сказал я.

Пахло тропиками. И хлоркой от гостиничного бассейна тремя этажами ниже. Паданг разросся в крупный международный порт. Здесь было полно иностранцев: индийцев, корейцев, филиппинцев. Встречались даже неприкаянные американцы вроде нас с Дианой; люди, которым не по карману путешествие первым классом; те, кто не попал в программу переселения ООН. Кипучий город, беззаконием здесь никого не удивишь – особенно с тех пор, как в Джакарте к власти пришли «новые реформази».

В отеле, однако, было безопасно. По небу во всем своем великолепии рассыпались звезды. Ярче всего сияла верхушка Дуги. Тонкая серебристая буква С (на ум пришли слова «странная» и «сногшибательная»), уложенная набок для нью Господа, страдающего дислексией. Мы смотрели, как она меркнет. Я держал Диану за руку.

– О чем задумался? – спросила она.

– Вспомнил, как в последний раз любовался старыми со-

звездиями.

Дева, Лев, Стрелец – астрологические названия, которые теперь встретишь разве что в учебниках истории в виде сносок.

– Здесь, в Южном полушарии, они выглядели бы иначе?

Наверное, подумал я.

Затем наступила ночь. В полной темноте мы перешли в комнату. Я включил свет. Диана, задернув шторы, достала чехол со стерильным шприцем и ампулой. Я сам научил ее делать инъекции. Наполнив шприц, Диана сосредоточенно наморщила лоб и щелкнула по игле, прогоняя пузырек воздуха. Вид у нее был уверенный, но рука дрожала. Я снял рубашку и растянулся на кровати.

– Тайлер...

Теперь уже она волновалась.

– Нет, я не передумаю. Я прекрасно знаю, во что ввязываюсь, и мы уже сто раз все обсудили.

Диана кивнула, смочила ватку спиртом и протерла мне кожу на локтевом сгибе. Шприц она держала в правой руке, иглой вверх. Жидкости в нем было совсем немного, и выглядела она вполне безобидно. Вода водой.

– Как давно это было... – сказала она.

– Ты о чем?

– О том, как мы в тот раз смотрели на звезды.

– Рад, что ты помнишь.

– Конечно помню. А теперь сожми кулак.

Почти не больно. Во всяком случае, пока.

Казенный дом

В ночь, когда с небосвода пропали звезды, мне было двенадцать. Близнецам – по тринадцать.

Стоял октябрь, пара недель до Хеллоуина. В доме Лоутонов (мы называли его Казенным домом) устроили вечеринку «без детей», а нас троих отправили в подвал.

Ссылка в подвал наказанием не считалась – только не для Дианы и Джейсона, проводивших там немало времени по доброй воле. И тем более не для меня. Отец Лоутонов строго разграничивал «детские» и «взрослые» зоны, зато внизу была крутая игровая консоль, диски с фильмами, даже бильярд... и никаких взрослых, кроме приглашенной официантки. Ее звали миссис Труолл. Каждые час-полтора она спускалась к нам, чтобы увильнуть от разноса канapé и поведать, что творится наверху. (Парень из «Хьюлетт-Паккарда» опозорился, его застукали с женой корреспондента «Пост»; сенатор хватил лишку и храпит в курительной комнате.) По мнению Джейсона, нам не хватало лишь тишины (от грохота родительской аудиосистемы потолок ходил ходуном, словно сердце огра) и неба над головой.

Тишина и небо. Джейсон, по обыкновению, решил, что ему хочется и того и другого.

Они с Дианой родились с разницей в несколько минут, но были, по всей очевидности, не идентичными, а разнаяйце-

выми сиблингами; никто, кроме матери, не называл их двойняшками. Джейсон говаривал, что они с Дианой «суть результат проникновения двух сперматозоидов в две яйцеклетки с противоположным зарядом». Диана могла похвастать почти таким же впечатляющим, как у Джейсона, коэффициентом умственного развития, но держала свой словарный запас на коротком поводке, поэтому сравнивала себя и брата с парой арестантов, сбежавших из одной клетки.

Я благоговел перед обоими.

В свои тринадцать Джейсон был до жути умен. И развит физически: не особенно мускулистый, но полный энергии, он нередко занимал призовые места в состязаниях легкоатлетов. Добрых шести футов ростом, поджарый; его грубые черты лица оживляла искренняя асимметричная улыбка. Волосы у него тогда были светлые и жесткие.

Диана – на пять дюймов ниже, пухленькая, но только в сравнении с братом. Кожа смуглее, чем у Джейсона. Лицо чистое, но вокруг глаз россыпь веснушек, из-за чего веки выглядят набрякшими (маска енота, говорила она). Но больше всего – а я уже достиг возраста, когда такие подробности приобретают смутную, но неоспоримую важность, – мне нравилась ее улыбка. Улыбалась Диана редко, но эффектно. Она считала, что у нее выпирают зубы (ничего подобного), поэтому приучила себя смеяться, прикрывая рот ладонью. Мне нравилось ее смешить, но втайне я мечтал увидеть не смех, а улыбку.

Неделей раньше отец подарил Джейсону дорогой астрономический бинокль. Джейс весь вечер с ним возился, нацеливал на постер турагентства, висевший в рамочке над телевизором, и притворялся, что шпионит за жителями Канкуна из пригорода Вашингтона. Наконец он встал и заявил:

- Надо бы выйти посмотреть на небо.
- Нет, – тут же отозвалась Диана. – Там холодно.
- Зато ясно. Первая безоблачная ночь на этой неделе. И не холодно, а прохладно.
- Утром на лужайке был лед.
- Иней, – поправил Джейсон.
- Уже за полночь.
- А завтра суббота.
- Нам нельзя отсюда выходить.
- Нам нельзя на вечеринку. По поводу лужайки распоряжений не было. Никто нас не увидит, если вдруг боишься, что тебя поймают.
- Я и не боюсь, что меня поймают.
- А чего тогда боишься?
- Слушать твою болтовню, пока ноги не отмерзнут.
- Ну а ты, Тайлер? – Джейсон повернулся ко мне. – Хочешь глянуть на небо?

Близнецы нередко призывали меня рассудить их спор, и мне это очень не нравилось. Проигрышное дело. Если встать на сторону Джейсона, есть вероятность оттолкнуть от себя Диану; но если из раза в раз поддерживать Диану, это бу-

дет... чересчур заметно.

— Не знаю, Джейс... — сказал я. — Там и правда слишком уж прохладно...

Выйти из положения помогла Диана.

— Не бери в голову. — Она положила руку мне на плечо. — Чем слушать, как он канючит, лучше выйду подышать свежим воздухом.

Так что мы сняли куртки с вешалки в коридоре и выбрались из дома через черный ход.

Вопреки придуманному нами прозвищу, Казенный дом выглядел не так уж грандиозно, хотя выделялся на фоне остальных жилищ (а обитали мы в районе для людей с достатком от среднего и выше). Да и участок был побольше, чем у соседей. Огромная лужайка, ровная и аккуратно подстриженная, за ней дикий сосновый бор, а дальше речушка с не самой мутной водой. Место для созерцания звезд Джейсон выбрал на полпути от дома к лесу.

Погода в том октябре радовала — до вчерашнего дня, когда холодный фронт сломал хребет бабьему лету. Диана демонстративно обхватывала себя руками и дрожала, но лишь для того, чтобы Джейсон чувствовал себя виноватым. Ночной воздух был прохладным, однако со двора не гнал. Небо прозрачное, трава относительно сухая, но не исключено, что утром снова покроется инеем. Ни луны, ни облачка. Казенный дом сверкал огнями, словно колесный пароход на Миссисипи, брызгал на лужайку жаркими желтыми отблесками,

но по опыту мы знали: если в подобную ночь встать в тени дерева, исчезнешь так же верно, как если бы провалился в черную дыру.

Джейсон улегся на спину и направил бинокль на звездное небо.

Я сидел по-турецки рядом с Дианой. На моих глазах она выудила из кармана куртки сигарету. Наверное, стащила у кого-то из домашних. (Кэрол Лоутон была кардиологом. Формально она бросила курить, но, по словам моей матери, прятала пачки в трюмо, в рабочем столе, в кухонном шкафу.) Зажав фильтр в губах, Диана чиркнула прозрачной красной зажигалкой – на мгновение ее огонек стал ярче всех остальных огней, – выдохнула струйку дыма, и та закружилась, растворяясь в темноте.

– Затянуться хочешь? – спросила она, перехватив мой взгляд.

– Ему двенадцать, – сказал Джейсон. – У него хватает проблем и без рака легких.

– Конечно хочу, – ответил я, ибо теперь это был вопрос чести.

Диана с веселым удивлением передала мне сигарету. Я осторожно затянулся и сумел не закашляться.

– Смотри, как бы голова не закружилась.

Диана забрала сигарету.

– Знаешь что-нибудь про звезды, Тайлер? – спросил Джейсон.

Я хапнул полную грудь чистого холодного воздуха и выпалил:

– Конечно!

– В смысле, не из книжек в мягкой обложке. Назови пару звезд.

– Арктур, – вспомнил я, искренне надеясь, что в темноте Джейс не видит моей пунцовой физиономии. – Альфа Центавра. Сириус. Полярная звезда...

– Напомни-ка, где живут клингоны, – перебил меня Джейсон.

– Веди себя прилично, – одернула его Диана.

Близнецы были умны не по годам. Я тоже был не дурак, но выступал в иной весовой категории, и все мы это понимали. Джейсон и Диана учились в школе для одаренных детей, а я ездил в муниципальную на желтом автобусе. Они жили в Казенном доме, а мы с матерью – в бунгало на восточной границе участка Лоутонов. Их родители шагали вверх по карьерной лестнице, а моя мать убирала у них в доме. Короче говоря, между нами хватало очевидных различий, но мы научились признавать этот факт, не акцентируя на нем внимание.

– Ладно, ладно, – отступил Джейсон. – Сможешь показать альфу Малой Медведицы?

Альфа Малой Медведицы. Полярная звезда. Я читал кое-что о рабстве, о войне Севера и Юга. У беглых рабов была песня:

Когда вернется солнце
И перепел голос подаст,
Давай
Шагай
Туда, где калebas.
Старик проводит
Тебя к свободе,
Давай
Шагай
Туда, где калebas.

«Когда вернется солнце» – то есть после зимнего солнцестояния. Перепелки зимуют на юге. Калebas – это ковш Большой Медведицы. Линия его широкой стенки указывает на Полярную звезду, точно на север – туда, где свобода.

Я нашел на небе большой ковш и ткнул пальцем в его сторону, надеясь, что не ошибся.

– Видал? – сказала Диана Джейсону, словно я заработал для нее очко в споре, о котором меня не потрудились известить.

– Неплохо, – согласился Джейсон. – Знаешь, что такое комета?

– Знаю.

– Хочешь увидеть?

Я кивнул и растянулся рядом с ним. Во рту стоял едкий привкус Дианиной сигареты. (Ох, зря я пошел на принцип.)

Джейсон показал, как удобнее улечься, а потом разрешил посмотреть в бинокль. Я повозился с настройкой резкости. Сперва звезды превратились в расплывчатые овалы, потом – в игольные ушки. Их стало очень много. Невооруженным глазом столько не увидишь. Я поводил взглядом по небесной панораме, пока не нашел (или подумал, что нашел) то место, куда показал Джейсон: крошечный светящийся сгусток на фоне беспощадно-черного неба.

– Комета... – начал Джейсон.

– Я знаю. Комета – что-то вроде снежка из газа и пыли, летит в сторону Солнца.

– Ну, допустим, – усмехнулся он. – А ты знаешь, Тайлер, откуда берутся кометы? Из внешней области Солнечной системы. Там что-то вроде ледяного гало. Ты даже вообразить себе не можешь, какой там холод.

Я кивнул, но без уверенности. К тому времени я прочел уже немало научной фантастики и понимал, что размеры ночного неба попросту неописуемы. Оно бескрайнее. Иногда мне нравилось размышлять об этом, хотя – если в доме тишина, а на дворе глубокая ночь – подобные мысли меня слегка пугали.

– Диана, – позвал Джейсон, – хочешь посмотреть?

– Это обязательно?

– Разумеется, это совсем необязательно. Можешь и дальше сидеть, где сидишь. Травить легкие и исходить слюной, если тебе так нравится.

– Грубиян.

Затушив сигарету в траве, она протянула руку. Я передал ей бинокль.

– Поосторожнее с ним, – предупредил Джейс.

Он обожал свою новую игрушку. От бинокля до сих пор пахло целлофаном и пенопластовой упаковкой.

Настроив фокус, Диана какое-то время молча разглядывала небо. Потом сказала:

– Вот я смотрю в твой бинокль на звезды. И знаешь, что я вижу?

– Что?

– Звезды.

– Ну так включи фантазию.

Судя по тону, Джейсон не на шутку рассердился.

– И зачем нужен твой бинокль, если можно включить фантазию?

– Просто задумайся о том, на чтомотришь!

– Ага, – сказала она и потом: – Ага... Ага! Джейсон, вижу...

– Что?

– По-моему... Да, точно, вижу Бога! С белой бородой до пояса! В руке у него табличка, а на табличке написано... «Джейсон дурак»!

– Очень смешно. Отдай бинокль, раз не знаешь, зачем он нужен.

Он протянул руку; Диана его проигнорировала. Села пря-

мо и навела сдвоенные окуляры на окна Казенного дома.

Вечеринка продолжалась с раннего вечера. Мать называла мероприятия Лоутонов «корпоративными встречами на высшем уровне, неформальными и весьма дорогостоящими», но она мастерски владела стилистическим приемом гиперболы, поэтому ее оценку необходимо было снижать на балл-другой. По словам Джейсона, сегодня в Казенном доме собрались по большей части политические функционеры и восходящие звезды авиакосмической индустрии. Не цвет старого вашингтонского общества, а выходцы с Запада, приезжие с тугими кошельками и связями в оборонной промышленности. И Ди, отец Джейсона и Дианы, устраивал такие вечеринки три-четыре раза в год.

– Все своим чередом, – комментировала Диана, глядя в бинокль. – На первом этаже пьют и пляшут. Больше пьют, чем пляшут. Хотя кухню, по-моему, уже сворачивают. Официанты собираются уходить. Окно кабинета зашторено. Эд в библиотеке, с ним пара типов в костюмах. Один с сигарой. Фу!

– Ваше омерзение выглядит неубедительно, – заметил Джейсон и добавил: – Мисс Мальборо.

Не обращая на него внимания, Диана продолжала каталогизировать окно за окном, а Джейсон подсел ко мне и шепнул:

– Вот так и показывай ей Вселенную. Все равно предпочтет шпионить за гостями.

Я не знал, что на это сказать. Его замечание, как бывало нередко, прозвучало столь остроумно, что не оставило мне шансов на достойный ответ.

– Моя комната, – сказала Диана. – Слава богу, никого. Комната Джейсона. Тоже пусто, если не считать «Пентхаус» под матрасом...

– Бинокль, конечно, хороший, но не настолько же!

– Спальня Эда и Кэрол. Пусто. Гостиная спальня...

– Так?

Но Диана не ответила. Замерла как статуя с биноклем у глаз.

– Диана? – позвал я.

Она помолчала еще несколько секунд, затем вздрогнула, развернулась и бросила – нет, швырнула – бинокль Джейсону. Тот возмутился, не сообразив, что Диана увидела что-то неприятное. Я хотел спросить, в норме ли она...

И в этот момент звезд не стало.

* * *

Ничего особенного.

Многие так говорят – из тех, кто видел, как это случилось. Ничего особенного. Подтверждаю как свидетель: пока Диана с Джейсоном шипели друг на друга, я смотрел в небо, но заметил лишь странную вспышку, а за ней – холодную зеленоватую фосфоресценцию, послеобраз звезд на сетчатке. Я

заморгал.

– Что это было? Молния? – спросил Джейсон.

А Диана вообще ничего не сказала.

– Джейсон... – заговорил я, все еще моргая.

– Что? Диана, богом клянусь, если ты побила линзу...

– Заткнись, – огрызнулась Диана.

– Прекратите, – сказал я. – Гляньте на небо. Что стало со звездами?

Близнецы запрокинули головы.

* * *

Из нас троих одна лишь Диана с готовностью поверила, что звезды просто «выключились» – погасли, будто свечи на ветру. Это невозможно, настаивал Джейсон: свет уже пределал путь в пятьдесят, сто, миллионы световых лет, в зависимости от источника; не может такого быть, чтобы все звезды погасли по какому-то невероятно замысловатому алгоритму, чтобы исчезли для землян синхронно, в один и тот же миг. Я добавил, что Солнце, как ни крути, тоже звезда и оно все еще светит, пусть даже на другую сторону планеты. Так?

Конечно так. А если и не так, сказал Джейсон, то к утру мы все окочуримся от холода.

Поэтому, если судить логически, звезды светили по-прежнему, но мы их больше не видели. Они не исчезли, но спрятались: произошло затмение. Да, небо вдруг стало пустым и

черным как смоль, но это загадка, а не катастрофа.

Меня, однако, заклинило на слове «окочуримся». Что, если Солнце и правда исчезло? Я представил, как в нескончаемой тьме падают снежинки, а потом, наверное, замерзает сам воздух – вещество, которым мы дышим, замерзает и превращается в снег иного, невиданного доселе рода, погребая под собой всю человеческую цивилизацию. Поэтому лучше (о да, определенно лучше!) предположить, что звезды «затмило». Но что могло их затмить?

– Очевидно, что-то огромное. Что-то стремительное. Тайлер, ты все видел. Скажи, это произошло одномоментно или в небе что-то двигалось?

Я сказал, что звезды сделались ярче, а потом перегорели, будто лампочки. Одномоментно.

– Да и хер с ними, с этими звездами дурацкими, – брякнула Диана.

Меня как током ударило: сквернословила Диана нечасто, хотя мы с Джейсоном сами не стеснялись в выражениях с тех самых пор, как возраст – и мой, и его – перевалил за двузначную отметку. Да, тем летом многое изменилось.

– Думаю, бояться тут нечего, – сказал Джейсон, уловив страх в ее голосе.

Он и сам был заметно встревожен, но в ответ Диана лишь поморщилась и заявила:

– Я замерзла.

Поэтому мы решили вернуться в Казенный дом и посмот-

реть, не добралась ли новость о звездах до Си-эн-эн или Си-эн-би-си. Шагая по лужайке, я угнетенно думал, что впервые вижу такое чудовищно-черное, чугунное и вместе с тем невесомое небо.

* * *

– Нужно рассказать Эду, – предложил Джейсон.

– Вот сам и рассказывай, – отмахнулась Диана.

Кэрол Лоутон воображала, что у нее прогрессивное семейство, поэтому Джейс с Дианой называли родителей по именам, хотя на деле все было не так просто. Кэрол потакала близнецам, но не очень-то вмешивалась в их жизнь, а И Ди целенаправленно взращивал наследника. Наследником, разумеется, был Джейсон. Он боготворил отца. В отличие от Дианы: та отца побаивалась.

Да и я прекрасно знал, что не стоит соваться на «взрослую» территорию в конце светского раута Лоутонов, когда все уже порядком заложили за воротник, поэтому мы с Дианой слонялись за дверью, в демилитаризованной зоне, а Джейсон тем временем отыскивал отца в одной из смежных комнат. Беседу мы слышали только в самых общих чертах, но голос И Ди не оставлял пространства для сомнений: таким тоном говорят люди огорченные, раздраженные, готовые выйти из себя. Джейсон вернулся в подвал красным как рак и чуть не плакал; я же сказал «извините» и направился

к задней двери.

В коридоре меня настигла Диана. Цапнула меня за руку так, словно на свете не осталось никого, кроме нас, и зататорила:

– Тайлер, оно же взойдет – солнце, завтра утром? Я знаю, глупый вопрос, но оно же взойдет?

Она говорила так, словно оставила всякую надежду. Я хотел было отшутиться – мол, если не взойдет, мы все умрем, – но страх Дианы подстегнул мои собственные сомнения. Чему же мы стали свидетелями и что все это значит? Выслушав Джейсона, И Ди, как видно, счел трансформацию ночного неба недостойной внимания; быть может, мы переполошились из-за форменного пустяка. Но что, если на самом деле грядет конец света, а об этом известно лишь нам троим?

– Все у нас будет хорошо, – сказал я.

Диана уставилась на меня сквозь сосульки волос:

– Уверен?

– На девяносто процентов.

Я попробовал изобразить улыбку.

– Но до утра не уснешь? – спросила Диана.

– Наверное. Скорее всего.

Я уже чувствовал, что мне будет не до сна.

– Можно я позвоню?

Она подняла руку с двумя оттопыренными пальцами, большим и мизинцем.

– Конечно.

– Я, наверное, ложиться не стану. Но если усну... Ну да, это глупо... Наберешь меня, как только встанет солнце?

Я сказал, что наберу.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Я до дрожи обрадовался ее просьбе.

* * *

Дом, где жили мы с матерью, – аккуратное бунгало, обшитое доской, – стоял на восточном краю участка Лоутонов. У крыльца был скромный розарий, обнесенный сосновым заборчиком; кусты цвели до глубокой осени, но после недавних заморозков розы завяли. В эту безлунную, беззвездную, безоблачную ночь тусклый фонарь над входной дверью светил мне, словно маяк.

Я вошел, стараясь не шуметь. Мать давно удалилась в спальню. В крошечной гостиной было прибрано, разве что на журнальном столике одиноко стоял пустой снифтер; в будние дни мать не пила совершенно, но по выходным позволяла себе глоток виски. Она не раз говорила, что у нее лишь две слабости и одна из них – пропустить стаканчик в ночь на субботу. (Однажды, когда я спросил про вторую, мать внимательно посмотрела на меня и ответила: «Твой отец». И я решил перевести разговор в другое русло.)

Не застелив диван, я улегся с книжкой и читал, пока не

позвонила Диана (с тех пор как я ушел от Лоутонов, не прошло и часа). Первым делом она спросила:

– Телевизор включал?

– А надо?

– Не трудись. Там ничего не показывают.

– Неудивительно. Сейчас как-никак два часа ночи.

– Нет, ты не понял, вообще ничего, кроме «магазина на диване» по местному кабелю. Тайлер, что это значит?

Это значило, что вместе со звездами с неба пропали все спутники. Погодные, военные, навигационные, спутники связи: все они отключились как по щелчку пальцев. Но тогда я этого не знал, и, разумеется, у меня не хватило бы ума объяснить Диане.

– Да что угодно.

– Страшновато...

– Вряд ли есть повод волноваться.

– Хотелось бы верить. Рада, что ты до сих пор не спишь.

Час спустя она перезвонила с новым донесением: без вести пропал интернет. На местном канале пустили объявление об отмене утренних рейсов из «Рейгана» и региональных аэропортов. Уточнять предлагалось в справочном бюро.

– Но самолеты всю ночь летают.

Из окна моей комнаты было видно, как в небе липовыми звездами мечутся их огни.

– Наверное, военные. Может, все это связано с террористами.

– Джейсон засел у себя в комнате, слушает радио. Ловит станции Бостона и Нью-Йорка. Все говорят, что аэропорты закрыты, а военные стоят на ушах. Про терроризм ни слова. И про звезды тоже.

– Неужели никто не заметил?

– Даже если заметили, молчат. Может, им приказали молчать? И про восход тоже.

– При чем здесь восход? Он будет... когда, через час? То есть над океаном солнце уже встало. Его видно с Восточного побережья. С кораблей в океане. И у нас оно вот-вот появится.

– Надеюсь. – Голос у нее был одновременно испуганный и возбужденный. – Надеюсь, ты прав.

– Сама увидишь.

– Кстати, Тайлер, мне нравится твой тон. Я не говорила? Такой обнадеживающий...

Даже если я только что сморозил откровенную чушь.

Не хотелось, чтобы Диана поняла, как сильно взволновал меня комплимент. Я задумался о ее словах, едва она повесила трубку. Долго крутил их в голове; снова и снова чувствовал, как по телу разливается приятное тепло. Что же за ними скрывалось? Диана на год старше меня, а житейского опыта у нее втрое больше – так почему же мне вдруг страшно захотелось уберечь ее от зла, захотелось, чтобы она была рядом, чтобы я мог погладить ее по щеке и пообещать, что все будет хорошо? Головоломка чуть ли не сложнее, едва ли

не тревожнее, чем то, что случилось с небом. Что бы с ним ни случилось.

Следующий звонок раздался без десяти пять. Я лежал на диване одетый, но, несмотря на все старания, уже начинал уплывать в объятия Морфея. Очнулся, вытащил телефон из кармана рубашки и сказал:

– Алло?

– Это снова я. Тайлер, там по-прежнему темно.

Так, окно (ну да, темень); потом часы на тумбочке.

– Диана, еще слишком рано для рассвета.

– Ты что, спал?

– Нет.

– Я же слышу, что спал. Везет тебе. До сих пор темно. И холодно. На кухонном окне есть термометр, я смотрела. Плюс два. Разве должно быть так холодно?

– Вчера утром было не теплее. Как у тебя дома? Кто еще не спит?

– Джейсон закрылся с приемником. Мои... гм... родители, наверное... гм... отсыпаются после гулянки. А твоя мама? Проснулась?

– По выходным она так рано не встает.

Я занервничал, бросил взгляд в окно. К этому времени небо должно было просветлеть. Малейший намек на восход, и я бы успокоился.

– Ты что, решил ее не будить?

– Ну а что она сделает, Диана? Вернет звезды на небо?

– Это вряд ли. – Она помолчала. – Тайлер?

– Я тут.

– Что первое ты помнишь?

– В смысле? За сегодня?

– Нет, вообще. Первое в жизни. Знаю, это глупый вопрос, но давай поговорим о чем-нибудь, кроме неба. Минут пять-десять. И мне станет легче.

– Что первое? – Я задумался. – Наверное, Лос-Анджелес. До переезда на восток.

Отец тогда был еще жив и трудился в стартапе И Ди Лоутона в Сакраменто.

– У нас была квартира с тяжеленными белыми шторами в спальне. Самое первое, что я помню, – это как я смотрю на эти шторы, а они колышутся на ветру. День был солнечный, мама открыла окно, и дул легкий бриз. – Меня неожиданно пронзила тоска: словно стоишь на палубе, а берег тает за горизонтом. – А у тебя?

Тоже воспоминание из Сакраменто, но абсолютно другое. И Ди взял детей на экскурсию по заводу. Наверное, уже тогда видел Джейсона в роли преемника. Диану заморозили перфорированные балки на полу, рулоны тончайшей огнестойкой ткани размером с дом, беспрестанный шум. Все вокруг было огромное. Казалось, пройди чуть дальше, и увидишь сказочного великана, прикованного к стене. Отцовского пленника.

Воспоминание было не из приятных. Диане казалось, что

она никому не нужна. Что ее бросили в бескрайнем цеху, одну среди жутких механизмов.

Какое-то время мы обсуждали ее эмоции. Потом Диана спросила:

– Ну как там небо?

Я взглянул в окно. Над западным горизонтом забрезжил свет – небо из черного сделалось чернильно-синим. Не хотелось признаваться, как легко мне стало на душе.

– Выходит, ты был прав, – ожила вдруг Диана. – Солнце все-таки вошло.

Конечно, это было не настоящее солнце. Это было лже-солнце, ловко сработанная фальшивка. Но тогда мы этого не знали.

Взросление в закипающей воде

Те, кто помоложе, спрашивают: как ты сохранял самообладание? Почему не вспыхнула всеобщая паника? Почему не было ни бунтов, ни грабежей? Почему ваше поколение смолчало? Почему вы безропотно смирились с этим ужасом, получившим название Спин?

Иной раз я отвечаю: «Ну как же. Не обошлось без трагедий».

Иной раз говорю: «Просто мы не поняли, что произошло. А если бы и поняли, что тут поделаешь?»

А иной раз пересказываю притчу о лягушке. Брось лягушку в кипяток, и она выпрыгнет. Брось ее в кастрюлю с приятной теплой водой, добавляй огня потихоньку, и лягушка сварится, так и не сообразив, что с ней случилось.

Облитерация звезд не была ни медленной, ни постепенной, но в тот момент почти никто не осознал масштабов катастрофы. Допускаю, что астрономы, а также сотрудники Министерства обороны, телекоммуникационных и авиакосмических компаний провели первые дни Спина в состоянии крайнего ужаса. Но для официантов, водителей автобусов и прочих работяг вода оставалась более или менее теплой.

Первым и самым заметным последствием Октябрьских событий (такое название выбрали англоязычные СМИ, а слово «Спин» прижилось несколькими годами позже) стал пол-

ный коллапс многомиллиардной индустрии искусственных спутников. Потеря спутников означала потерю всех прямых и почти всех ретрансляционных телеканалов; телефонная связь между городами и странами стала ненадежной, локаторы GPS – бесполезными; Всемирная паутина приняла удар ниже пояса, почти все передовые военные технологии вмиг устарели, возможности разведки и глобальной слежки сократились до исчезающе малых, а региональным синоптикам, привыкшим листать CGI-рендеры с метеорологических спутников, вновь пришлось чертить изобары на картах континентальной части США. Все попытки связаться с Международной космической станцией закончились одинаково: полным провалом. Коммерческие запуски с мыса Канаверал (а также Байконура и Куру) пришлось отложить на неопределенное время.

В конечном счете для «Джи-И-Америком», Эй-ти-энд-ти, КОМСАТ, «Хьюз комьюникейшнз» и многих других компаний настали запредельно трудные времена.

Вдобавок ко всему та октябрьская ночь повлекла за собой множество трагедий, но из-за беспомощности СМИ почти все они остались за кадром. Новости расплзались в режиме слухов; не рикошетили от спутников, а протискивались по трансатлантическому оптоволокну. Прошла почти неделя, прежде чем мы узнали, что пакистанская ракета «Хатф-V» с ядерной боеголовкой, выпущенная – то ли по ошибке, то ли по халатности – сразу после Событий, отклонилась от

курса и стерла с лица земли аграрную долину близ Гиндукуша. Первое боевое применение ядерного оружия с 1945 года. Прискорбное событие, но с учетом глобальной паранойи, подогретой отсутствием связи, нам повезло, что такое случилось лишь однажды. По некоторым данным, мы едва не потеряли Тегеран, Пхеньян и Тель-Авив.

* * *

Встретив солнце, я успокоился и проспал с рассвета до полудня. Встал, оделся, перешел в гостиную и увидел, что мать, закутавшись в стеганный плед, хмуро смотрит в телевизор. Я спросил, завтракала ли она. Нет, не завтракала. Я разогрел обед на двоих.

Той осенью ей исполнялось сорок пять лет. Попросите описать ее одним словом, и я, пожалуй, выберу эпитет «цельная». Она редко сердилась, а плакала на моей памяти лишь однажды – в тот вечер, когда полицейские (дело было в Сакраменто) принесли весть, что отец погиб на Восьмидесятом шоссе неподалеку от Вакавиля, возвращаясь домой из командировки. Мать была разносторонним человеком, но тщательно скрывала от меня все свои ипостаси, кроме материнской. На этажерке в гостиной стоял снимок, сделанный за несколько лет до моего рождения: портрет стройной фотогеничной красавицы. Когда мать сказала, что женщина на снимке – это она, поначалу я не поверил.

Заметно было, что происходящее на экране ей совсем не нравится. По местному каналу крутили новости в режиме нон-стоп: пересказывали истории из эфира радиолюбителей и коротковолновых станций попеременно с туманными призывами федерального правительства «сохранять спокойствие».

– Тайлер, – мать жестом велела мне сесть, – даже не знаю, с чего начать. Вчера ночью случилось что-то необъяснимое...

– Знаю, – перебил я. – Слышал еще до того, как улегся спать.

– Так ты был в курсе? И не разбудил меня?

– Ну, я не знал, стоит ли...

Но она тут же сменила гнев на милость:

– Нет-нет, Тай, ничего страшного. Вряд ли я что-то пропустила. Странно... Такое чувство, будто до сих пор не проснулась.

– Это всего лишь звезды, – сказал я и тут же почувствовал себя круглым дураком.

– Звезды и Луна, – поправила мать. – Разве ты не слышал про Луну? На всем белом свете никто не видит ни звезд, ни Луны.

* * *

Что ж, Луна – это уже кое-что.

Некоторое время я побыл с мамой – она никак не могла оторваться от новостей, – потом встал («Сегодня вернись за светло», – сказала она самым серьезным тоном) и ушел в Казенный дом. Постучал в заднюю дверь, которой пользовались кухарки и домработницы (Лоутоны прилежно избегали словосочетания «черный ход»). По будним дням в эту дверь входила моя мать, распорядительница их домашнего хозяйства.

Открыла миссис Лоутон, мать близнецов, безучастно посмотрела на меня и махнула рукой в сторону лестницы: мол, ступай наверх. Диана еще спала, закрывшись у себя в комнате. Джейсон до сих пор не ложился и, похоже, не планировал. Сидел за приемником и мониторил короткую волну.

Комната Джейсона походила на Аладдинову пещеру чудес. Я жаждал ее сокровищ, но давно уже утратил надежду обладать ими: здесь стоял компьютер с широченным интернет-каналом и старый телевизор Лоутонов – вдвое больше того, что украшал гостиную у меня дома. Я с порога рассказал про Луну – на случай, если Джейс не слышал новостей.

– Любопытно, да?

Он встал, потянулся, запустил пальцы в нечесаную шевелюру. Со вчерашней ночи он не переодевался – нетипичная для него рассеянность. Джейсон, безусловно, был гений, но при мне никогда не вел себя по-гениальному – то есть как гении, которых показывают в кино: не заикался, не шурил глаза, не писал на стенах алгебраических уравнений. Сего-

дня, однако, он и впрямь смахивал на конченного психа.

– Само собой, никуда Луна не делась, быть такого не может. По радио говорят, с приливом на Восточном побережье все в полном порядке. Значит, Луна на месте. А если Луна на месте, то и звезды тоже.

– Тогда почему мы их не видим?

– А мне почем знать? – Он бросил на меня раздраженный взгляд. – Я имею в виду, что этот феномен не физический, а оптический – по крайней мере, отчасти.

– Глянь на улицу, Джейс. Там солнце светит. Что это за оптическая иллюзия, если солнечный свет она пропускает, а звездный и лунный – нет?

– Я же говорю: мне почем знать? Какие варианты, Тайлер? Кто-то стащил с неба Луну и звезды? Сложил в мешок и убежал?

Нет, подумал я. В мешке оказалась Земля – по некой причине, необъяснимой даже для Джейсона.

– Хотя мысль верная, – размышлял он. – Насчет Солнца. Да, дело в оптике, но это не барьер, а фильтр. Любопытно...

– И кто его поставил?

– А мне почем?.. – Он сердито помотал головой. – От тебя много шума. Я не говорил, что его «кто-то поставил». Может, это естественный ход вещей, явление природы. Допустим, такое случается раз в миллиард лет, как инверсия магнитного поля. Хочешь сказать, за вчерашним событием стоит некий интеллект? Это чрезвычайно смелое предположе-

ние.

– Но вдруг это правда?

– Правда может оказаться какой угодно.

Джейс не раз подкалывал меня за любовь к научной фантастике, поэтому мне не хотелось произносить слово «пришельцы». Но в первую очередь я, конечно, грешил на инопланетян. И не только я. Многие на них грешили, и даже Джейсон, скрепя сердце, признал, что за последние сутки версия о вмешательстве инопланетного разума стала выглядеть до необычайности правдоподобно.

– Даже если так, – сказал я, – возникает вопрос: зачем им это нужно?

– Существуют лишь две возможные причины. Или от нас надо что-то скрыть, или нас надо от чего-то спрятать.

– Что думает отец?

– Я не спрашивал. Он весь день сидит на телефоне. Наверное, хочет побыстрее скинуть акции «Дженерал телефон энд электроникс».

Это была шутка, но я не понял ее смысла. Зато сообразил, что потеря доступа к орбите – крайне серьезное событие для авиакосмической промышленности в целом и для семьи Лутонов в частности.

– Ночью я глаз не сомкнул, – признался Джейс. – Боялся что-нибудь пропустить. Иной раз завидую сестре. Как обычно: «Не кантовать, пока сами не разберетесь».

– Она тоже не спала, – ошетинился я на его выпад в сто-

рону Дианы.

– Да ну? Тебе-то откуда знать?

Попался.

– Мы немножко поболтали по телефону...

– Она тебе звонила?

– Угу. Где-то на рассвете.

– Господи, Тайлер, ты весь покраснел.

– Нет, не покраснел.

– Покраснел как рак.

Меня спас бесцеремонный стук в дверь: явился И Ди Лоттон, и он, судя по виду, тоже почти не спал.

Рядом с отцом Джейсона было неуютно. Здоровенный, плечистый, гневливый. Из тех, кому непросто угодить. На выходных он перемещался по дому, словно грозовой фронт: то гром, то молния. Мать однажды сказала: «От таких, как И Ди, лучше держаться подальше. Не привлекать лишнего внимания. Понять не могу, зачем Кэрол за него вышла».

Нельзя сказать, что он преуспел собственными силами (его дед владел в Сан-Франциско процветающей юридической конторой, а когда ушел на покой, взялся финансировать первые поползновения внука на поприще бизнеса), но на производстве высотного оборудования и технологиях «легче воздуха» И Ди разбогател самостоятельно, без реальных связей в отрасли – по крайней мере, поначалу. Богатство далось ему тяжким трудом.

Он ворвался в комнату, прожег меня взглядом и нахму-

рился:

– Извини, Тайлер, но тебе пора домой. Нам с Джейсоном нужно кое-что обсудить.

Джейс не возражал, да и мне не очень-то хотелось оставаться, поэтому я напялил свою матерчатую куртку, вышел через заднюю дверь и остаток дня провел на берегу речушки. Пускал «блинчики» по воде и смотрел, как белки запасают на зиму провиант.

* * *

Солнце, Луна и звезды.

В последующие годы выросли дети, не видевшие Луны своими глазами. Те, кто был младше меня всего лишь на пять-шесть лет, в основном знали звезды по старым фильмам да пригоршне избитых клише, причем со временем описания становились все более смехотворными. Однажды, когда мне было за тридцать, я включил песню из двадцатого века в исполнении Антониу Карлоса Жобина – «Корвокадо», «Тихие ночи, тихие звезды» – для некой юной особы, и та спросила, недоуменно хлопая ресницами: «А что, звезды могли шуметь?»

Но мы не просто лишились нескольких огоньков в небе. Мы утратили нечто неуловимое, потеряли свое место в пространстве. Земля круглая, Луна вращается вокруг Земли, а Земля – вокруг Солнца, вот и вся бытовая космология, и

большинству людей ее вполне хватает. Сомневаюсь, что хотя бы один из сотни, окончив школу, углубляется в подобные вопросы. Но теперь, когда у людей украли звездное небо, мы впали в растерянность.

Официальное заявление насчет Солнца опубликовали только на второй неделе после Октябрьских событий.

На первый взгляд Солнце вело себя вполне предсказуемо. Восходы и закаты сменяли друг друга в полном соответствии со стандартными эфемеридами. Дни, как и положено осенним дням, становились все короче. Ничто не предвещало солнечного ЧП. Многое на Земле, включая саму жизнь, зависит от природы и объема солнечного излучения, достигающего поверхности планеты, а в этом отношении почти ничего не изменилось. Глядя на Солнце невооруженным глазом, нельзя было не прийти к выводу, что перед тобой все та же звезда G-класса, и если на нее долго смотреть, то непременно ослепнешь.

Однако теперь на Солнце не наблюдалось пятен, вспышек и протуберанцев.

Наша желтая звезда – объект вспыльчивый и беспокойный: кипит, бурлит, звенит гигантским колоколом из-за мощнейшей энергии, затопляет Солнечную систему потоками заряженных частиц. Эти частицы уничтожили бы нас, не будь мы под защитой магнитного поля Земли. Но после Октябрьских событий, объявили астрономы, Солнце превратилось в геометрически идеальный шар равномерной яркости

без каких-либо перепадов цветовой температуры. С севера сообщили, что полярное сияние – результат взаимодействия магнитного поля Земли с вышеупомянутым потоком заряженных частиц – ушло со сцены, словно дрянная бродвейская постановка.

И еще одно: по ночам в новом небе не было падающих звезд. Раньше Земля ежегодно тяжела на восемьдесят миллионов фунтов, обрастая пылью сгоревшего в атмосфере космического мусора. Теперь же все изменилось: за первые недели после Октябрьских событий в атмосфере не заметили ни одного метеорита, ни единой микроскопической частицы Браунли. Говоря языком астрофизиков, в небе наступила оглушительная тишина.

Такого не мог объяснить даже Джейсон.

* * *

Короче, Солнце оказалось ненастоящим. Так или иначе, оно светило себе дальше, шли дни, за ними – другие дни, недели складывались в месяцы, замешательство нарастало, но всеобщее ощущение катастрофы шло на спад. (Ведь вода не кипела, она была приятно теплой.)

Однако тем для пересудов было предостаточно. В первую очередь говорили не о небесной загадке, а о ее сиюминутных последствиях: телекоммуникации обрушились; спутники перестали вести наблюдение за войнами в отдаленных

уголках планеты; «умные» бомбы с GPS-модулями неисправимо отупели; разбушевалась оптоволоконная лихорадка. Вашингтон с гнетущим постоянством публиковал одно заявление за другим: «На данный момент мы не располагаем свидетельствами злонамеренных действий со стороны других государств или организаций» и «Лучшие умы нации работают над тем, чтобы осознать, объяснить и нейтрализовать любой потенциальный вред, исходящий от преграды между нами и Вселенной». Прикрываясь ширмой из всякого рода утешений, правительство силилось понять, что за враг – земной или инопланетный – способен на подобное деяние. Но враг неизменно ускользал. Пошли разговоры о «гипотетическом управляющем интеллекте». Лишенные возможности выглянуть за стены тюрьмы, мы принялись обшаривать ее закоулки. Ну а что нам еще оставалось?

После Событий Джейсон почти на месяц уединился у себя в комнате. Напрямую я с ним не общался, лишь видел мельком, когда близнецов забирал микроавтобус школы Райса. Но Диана почти каждый вечер звонила мне на мобильник, обычно часов в десять-одиннадцать, когда мы оба могли рассчитывать на некоторую приватность. Я дорожил нашими разговорами – по причинам, о которых не готов был задумываться.

– Настроение у Джейсона хреновое, – однажды сказала она. – Говорит, если мы не знаем наверняка, что Солнце – это Солнце, нам, считай, вообще ничего не известно.

– Может, он и прав.

– Для Джейса это как религия. Чтоб ты понимал, Тайлер, он всегда был без ума от карт. Еще малышом научился их читать. Ему нравилось знать, где он находится. Говорил, что тогда все становится на свои места. Господи, как же я любила его рассуждения о картах. Наверное, поэтому он так психует, даже сильнее остальных. Его карта пропала, и теперь все вверх дном.

Конечно, некоторые детали головоломки уже встали на свои места. Недели не прошло, как военные начали собирать останки спутников – тех, что преспокойно крутились по геоцентрической орбите, а в ту октябрьскую ночь все как один осыпались на землю. С некоторых обломков удалось снять весьма животрепещущую информацию, но к обывателям она попала не сразу – даже к влиятельным Лоутонам, в их высокотехнологичный Казенный дом.

* * *

Первая зима без Луны и звезд оказалось непривычно тесной. Снег лег рано. До Вашингтона было рукой подать, но к Рождеству округ Колумбия стал похож на Вермонт. Новости по-прежнему не сулили ничего хорошего. Индия с Пакистаном наскоро составили хрупкий мирный договор, но все равно балансировали на грани войны. Проект ООН по деконтаминации Гиндукуша уже унес несколько десятков жиз-

ней – это вдобавок к погибшим при ядерном взрыве. В Северной Африке тлели локальные конфликты, тогда как армии развитых стран приходили в себя после Октябрьских событий. Цены на нефть пробили потолок. Мы выставили домашний термостат на пару градусов ниже комфортной температуры, а потом наконец подала голос перепелка, вернулось солнце и световой день начал увеличиваться.

К чести нашей будет сказано, что перед лицом неведомой и малопонятной угрозы человечество ухитрилось не сорваться в полномасштабную войну. Люди подстроились, вернулись к своим делам и к весне стали поговаривать о «новом порядке вещей». Все понимали: наверное, в итоге мы заплатим высокую цену за то, что случилось с планетой... Но, как говорится, двух смертей не бывать, а одной не миновать.

Мама менялась на глазах. Со временем она успокоилась, а с наступлением теплых дней лицо ее наконец смягчилось. Джейсон тоже пришел в себя, вышел из медитативного уединения, но Диана меня тревожила. Она наотрез отказывалась говорить про звезды, а с недавнего времени стала спрашивать, верю ли я в Бога. Не думаю ли, что Он в ответе за Октябрьские события.

Откуда мне знать, отвечал я, мы с матерью в церковь не ходим. Честно говоря, такие разговоры меня слегка нервировали.

Однажды летом мы втроем прыгнули на велосипеды и погнали до Фервей-молл.

В последний раз. В сотый или тысячный. Близнецы уже почти выросли из этого развлечения, но за те семь лет, что мы жили на участке Лоутонов, наши покатушки стали неотъемлемым ритуалом летней субботы. Порой шел дождь или стояла невыносимая жара – такие субботы мы пропускали, но в погожие дни нас словно магнитом тянуло на место встречи в самом начале длинной подъездной дорожки Лоутонов.

В тот день было ветрено, воздух посвежел, солнечный свет напитал все вокруг совершенно обычным теплом. Погода словно уговаривала нас: смотрите, с октября прошло почти десять месяцев – спасибо, с природой все хорошо... Пусть даже, по словам Джейса, нашу планету окультурили и теперь мы жили не на космическом сорняке, а в ухоженном саду под присмотром неведомых сил.

Джейсон рассекал на роскошном горном велике. У Дианы был почти такой же, но подешевле и с дамской рамой. Мою развалюху мать купила в благотворительном магазине подержанных вещей. Неважно. Важно, что воздух напитан ароматом распаренных сосновых иголок, а впереди несколько часов абсолютной свободы. Это чувствовал я, чувствова-

ла Диана, да и Джейсон, по-моему, тоже, хотя утром, когда мы седлали коней, вид у него был расстроенный и даже слегка растерянный. Я списал это на стресс или скорое начало учебного года – август ведь. В школе Райса учеников прессуют так, что мало не покажется, а Джейс к тому же занимался по ускоренной программе. В прошлом году он без труда сдал математику и физику – эти предметы он запросто мог бы преподавать, – но в конце следующего семестра намечался зачет по латыни.

– Какого черта, это же мертвый язык! – бурчал он. – Кому он вообще нужен, кроме специалистов по античной филологии? Все равно что учить Фортран. Все важные тексты давным-давно перевели. Допустим, я прочитаю Цицерона в подлиннике – и что, духовно вырасту? Господи боже, Цицерон! Это же Алан Дершовиц Римской республики!

Я не особенно прислушивался к его стенаниям. Во время велопробегов все мы охотно упражнялись в искусстве нытья. (Я понятия не имел, кто такой Алан Дершовиц. Наверное, какой-то парнишка из Джейсоновой школы.) Но сегодня настроение у Джейсона скакало то вверх, то вниз. Он приналег на педали, оторвался от нас и замаячил чуть впереди.

Дорога к торговому центру вилась меж пышных садов и пастельных домиков с аккуратными газонами. Солнечный свет – пусть даже фальшивый, фильтрованный, – преломляясь в каплях воды, рассыпался цветными веерами; над садовыми поливалками стояли миниатюрные радуги. Когда мы

выехали из тенистой дубравы на сверкающий белый тротуар, я вконец разомлел от поддельного тепла.

Минут через десять-пятнадцать беспечной езды впереди показалась вершина холма: последнее препятствие и главная веха на пути к торговому центру. Бентам-Хилл-роуд шла круто вверх, зато на другой стороне нас ожидал славный долгий спуск до самой парковки. Джейс одолел уже четверть подъема. Диана лукаво взглянула на меня и спросила:

– Наперегонки?

Я пришел в смятение. Близнецы родились в июне, я – в октябре. Летом они старше меня не на год, а на два: сейчас им было по четырнадцать, а мне еще четыре месяца тянуть лямку двенадцатилетнего. Это не просто разность двух чисел, это осязаемое физическое преимущество. Диана определенно знала, что я не сумею обогнать ее на подъеме, но все равно рванула с места; тяжело вздохнув, я выжал из своей скрипучей колымаги все, что мог, чтобы создать хотя бы видимость соревнования. Но ни о каком состязании не могло быть и речи. Диана мчалась вперед на своем сверкающем чуде велосипедной техники, набирая приличный разгон перед подъемом. Трио девочек, рисовавших мелками на тротуаре, едва успело выпорхнуть у нее из-под колес. Диана обернулась и бросила на меня то ли ободряющий, то ли насмешливый взгляд.

Дорога пошла в гору, нивелируя инерцию, но Диана проворно переключила скорость и снова навалилась на педали.

Джейсон остановился наверху и, переложив вес на длинную ногу, с недоумением взирал на нашу гонку. Я трудился изо всех сил, но на полпути мой ледащий конь завихлял из стороны в сторону и чуть не покатился назад. Пришлось мне спешиться и продолжить восхождение с велосипедом на руках.

Когда я наконец поравнялся с Дианой, она усмехнулась.

– Твоя взяла, – сказал я.

– Тайлер, извини. Это была нечестная игра.

Смутившись, я пожал плечами.

Здесь дорога заканчивалась тупиком: участки были размечены колышками и бечевкой, но домов пока не строили. К западу длинный песчаный спуск, за ним – Фервей-молл, рядом ягодники и низкорослые деревья, а между ними утоптанная тропинка, ведущая вниз.

– До встречи на парковке, – сказала Диана и укатила прочь.

* * *

Примкнув велосипеды к стойке, мы вошли в стеклянный неф торгового центра. Внутри было спокойно и уютно – в первую очередь потому, что с прошлого октября тут почти ничего не изменилось. Газетчики и телевизионщики до сих пор жили в режиме повышенной готовности, но в торговых точках царила атмосфера блаженного неведения. О том, что

в мире что-то пошло наперекосяк, свидетельствовало лишь отсутствие спутниковых тарелок в витринах сетевых магазинов электроники. И еще, конечно, книжные отделы с развалами томиков, посвященных Октябрьским событиям. Джейсон презрительно кивнул на книжку с глянцевым сине-золотым тиснением. На мягкой обложке говорилось о связи Событий с библейским пророчеством.

– Ишь, пророчество! – фыркнул Джейсон. – Любой дурак может делать предсказания задним числом.

Диана бросила на него рассерженный взгляд:

– Необязательно потешаться над тем, во что не веришь.

– Строго говоря, я потешаюсь только над обложкой. Книгу я не читал.

– Может, не помешало бы.

– Зачем? Ты что, оправдываешь автора?

– Никого я не оправдываю. Но нельзя исключать, что прошлый октябрь – промысел Божий. И это вовсе не смешно.

– Вообще-то, смешно, – заметил Джейсон. – Даже очень.

Диана закатила глаза, тяжело вздохнула себе под нос и ушла вперед. Джейс вернул томик на место.

– Люди просто хотят понять, что случилось, – сказал я, – потому и пишутся подобные книги.

– Понять или притвориться, что понимают? Знаешь, Тайлер, как это называется? Отрицание. Хочешь, расскажу кое-что?

– Конечно.

– Но это секрет. – Он понизил голос так, чтобы не слышала даже Диана, стоявшая в нескольких ярдах от нас. – Ответственность пока не в курсе.

У Джейсона имелась масса неоспоримых преимуществ: например, иногда он узнавал информацию уникальной важности за пару дней до того, как ее давали в вечерних новостях. В каком-то смысле в школу Райса он ходил лишь для галочки, а реальное образование получал под патронажем отца. И Ди первым делом растолковал ему, как бизнес, наука и технология взаимодействуют с политической властью. Сам он знал об этом не понаслышке. После гибели телекоммуникационных спутников на обоих рынках – что на гражданском, что на военном – образовалась зияющая брешь, и ее заполнили стратостаты (или, говоря простым языком, стационарные воздушные шары); то есть продукция компании Лоутона. Нишевая технология становилась востребованной повсеместно, и И Ди оказался на гребне волны. С конкурентами он, понятно, не откровенничал, но четырнадцатилетнему сыну мог раскрыть секрет-другой.

И Ди, конечно, не знал, что время от времени Джейс делится секретами со мной, но я добропорядочно хранил тайны Лоутонов. (Сами посудите, кому еще я мог рассказать? Других приятелей у меня не было. Мы жили в богатом районе, где классовый вопрос был острее бритвенного лезвия: если у тебя работающая мать-одиночка, серьезная физиономия и склонность к прилежной учебе, даже не надейся по-

пасть в чей-то список родственников душ.)

Джейс понизил голос еще на полтона:

– Слышал про русских космонавтов? Тех троих, что в октябре были на орбите?

Пропали без вести. Считается, что погибли в ночь Событий. Я кивнул.

– Один из них жив, – сказал Джейсон. – И он в Москве. Русские об этом не распространяются, но ходят слухи, что он напрочь спятил.

Я вытаращил глаза, но Джейсон не сказал больше ни слова.

* * *

Общественность узнала правду лет через десять, но когда информацию наконец опубликовали (в сноске к европейской монографии о первых годах Спина), мне вспомнился тот день в торговом центре. Короче, случилось вот что.

В ночь Октябрьских событий на орбите находились трое русских космонавтов: возвращались на Землю после техобслуживания МКС. Вскоре после полуночи (по североамериканскому восточному времени) начальник группы, полковник Леонид Главин, заметил, что связь с Центром управления полетами отсутствует. Как он ни старался, попытки восстановить контакт не дали результата.

Космонавты, безусловно, встревожились, но вскоре дело

приняло и вовсе скверный оборот. Когда «Союз» оказался над дневной стороной планеты, стало ясно, что Земля превратилась в непроницаемо-черный шар.

Впоследствии полковник Главин опишет это зрелище именно так: сплошная чернота, абсолютный мрак. Лишившись очертаний, Земля становилась видна, лишь когда перекрывала Солнце. Единственным убедительным свидетельством существования планеты теперь были сменявшие друг друга с определенной периодичностью рассветы и закаты. Вдруг из-за черного шара, не отражаясь от его поверхности, появлялся солнечный свет и так же внезапно пропадал, когда аппарат ускользал в ночь.

Космонавты не могли знать, что произошло, и, должно быть, погрузились в пучину невообразимого ужаса.

Проведя неделю на орбите этого сгустка черной пустоты, все трое пришли к выводу, что стыковаться с пустующей МКС бессмысленно. Путем голосования решили войти в атмосферу без помощи ЦУПа: лучше погибнуть на Земле (во что бы ни превратилась родная планета), чем умереть от голода в полной изоляции. Не имея ни связи с Центром, ни визуальных ориентиров, экипаж вынужден был полагаться лишь на расчеты, экстраполированные от координат последнего известного местоположения. В результате спускаемый аппарат «Союза» вошел в атмосферу под недостаточно острым углом, принял полновесный удар гравитации, потерял критически важный парашют и врезался в лесистый склон

холма в Рурской долине.

Василий Голубев погиб на месте, Валентина Киршова получила черепно-мозговую травму и умерла через несколько часов. Оглушенный полковник Главин, отделавшись сломанным запястьем, синяками и ссадинами, сумел выбраться из капсулы. Вскоре его обнаружил немецкий поисковый отряд, и полковника передали российским представителям.

После тщательного разбора полетов русские пришли к выводу, что Главин не выдержал мучений и сошел с ума. Полковник настаивал, что его группа провела на орбите три недели, но это было чистой воды безумие...

Потому что спускаемый аппарат «Союза», как и все остальные орбитальные устройства, рухнул на землю в ту же самую ночь – в ночь Октябрьских событий.

* * *

Мы решили пообедать на фудкорте торгового центра, где Диана углядела трех знакомых девочек из школы Райса. Они были постарше и показались мне до невозможности современными: сине-розовые волосы, дорогие клеши с заниженной талией, цепочки с крошечными золотыми крестиками на бледных шеях. Диана скомкала обертку от «Мекси-тако» и переметнулась к их столику, где все четверо склонились голова к голове, а потом захохотали. Я вдруг понял, что буррито и картошка фри уже не пробуждают во мне аппетита.

Оценив выражение моего лица, Джейсон тихонько сказал:

– Сам понимаешь, это неизбежно.

– Ты о чем?

– Она теперь в другом мире. Ты, я, Диана, Казенный дом, твоя Хижина дяди Тайлера, суббота в торговом центре, воскресенье в кино. Детство прошло, мы уже не дети.

Не дети? Ну да, конечно. Детство прошло. Раньше я как-то не задумывался о значении этой фразы.

– У нее уже год как месячные, – добавил Джейсон.

Я окрасился в белый цвет. Информация о месячных была совершенно лишней. И еще я завидовал, что Джейсон об этом знает, а я – нет. Диана не рассказывала мне ни про месячные, ни про подружек из школы Райса. Я вдруг понял, что ее доверительные признания по телефону – про Джейсона, родителей и нелюбимые блюда за ужином – были детскими секретиками. Теперь же я видел воочию, что Диана скрывала от меня добрую половину своей жизни; за соседним столиком сидела уже не Диана, а смешливая и счастливая незнакомка.

– Поехали домой, – сказал я Джейсону.

– Как хочешь.

Он с жалостью взглянул на меня и поднялся с места.

– Скажешь Диане, что мы уезжаем?

– По-моему, ей сейчас не до нас, Тайлер. Нашла себе другое развлечение.

– Но она же всегда возвращается вместе с нами!

– Больше нет.

Я обиделся. Разве может Диана взять и бросить нас? Нет, она не такая! Я встал и подошел к ее столику. Диана и подружки уставились на меня во все глаза. Я же, игнорируя остальных, смотрел только на Диану:

– Мы едем домой.

Три девочки из школы Райса покатались со смеху. Диана лишь смущенно улыбнулась:

– Ага, хорошо, поезжайте. Пока, Тай.

– Но...

Но что? Она уже не смотрела в мою сторону, вот так-то.

Уходя, я слышал, как одна из подружек спросила:

– Это тоже твой брат?

Нет, ответила Диана, просто знакомый мальчишка.

* * *

Джейсон (он стал вести себя до тошноты учтиво) предложил махнуть великами на обратную дорогу. В тот момент мне, честно говоря, плевать было на его велосипед, но я согласился, чтобы замаскировать свои расстроенные чувства.

Мы взобрались на холм, к началу Бентам-Хилл-роуд – черной асфальтовой ленты, уходившей вниз, к тенистым улицам. Съеденный обед лежал под ребрами, словно шлакоблок. На вершине я остановился и с сомнением оглядел крутой спуск.

– Давай, лети! – подбадривал Джейсон. – Вперед, прочувствуй скорость!

Сумею ли я отвлечься на скорость? Сумею ли хоть на что-то отвлечься? С чего мне взбрело в голову, что для Дианы я центр мироздания? На самом деле я всего лишь знакомый мальчишка.

Но велик у Джейсона был обалденный. Я встал на педали и вверил себя силе тяжести. Покрышки гудели по пыльному асфальту, но цепь и кассета скоростей работали как шелковые, не издавая ни звука, за исключением еле слышного стрекота подшипников. Я набирал скорость, и меня, опустошенного, но свободного, хлестал ветер. Мимо проносились аккуратно покрашенные дома с дорогими машинами на подъездных дорожках. Ближе к концу спуска я чуть прижал ручку тормоза, чтобы сбавить разгон, не замедляя хода. Мне не хотелось останавливаться. Вот бы мчаться так всю жизнь! Классное ощущение!

Но спуск закончился, и я наконец затормозил, накренил велосипед, поставил левую ногу на асфальт и оглянулся.

Джейсон все еще сидел на вершине холма на моей развалюхе – так далеко, что походил на одинокого всадника из старого вестерна. Я помахал ему: твоя очередь.

По Бентам-Хилл-роуд Джейсон гонял, наверное, тысячу раз, что вверх, что вниз. Но на ржавом старинном велике он не покорял этот спуск никогда.

Велосипед подходил ему лучше, чем мне. Длинноногий

Джейс не выглядел карликом рядом с рамой, но мы никогда раньше не менялись великами, и я вдруг задумался обо всех недугах и заскоках моего старичка. Я ведь изучил его как свои пять пальцев – например, выяснил, что не стоит резко поворачивать направо, потому что раму слегка перекосило, запомнил, что от коробки передач осталось одно название, и научился держать своего коня в узде. Но Джейсон ничего этого не знал. А спуск непростой. Я хотел крикнуть, чтобы он не торопился, но даже если бы заорал во все горло, он все равно не услышал бы меня – я укатил слишком далеко. Неуклюже, словно младенец-переросток, Джейс оторвал ноги от земли. Велик был тяжелый: никакой грации, сплошная масса. Скорость он набрал за несколько секунд, но я знал, как трудно будет его остановить. Пальцы мои сжались на воображаемой ручке тормоза.

По-моему, до последней четверти спуска Джейсон не понимал, что у него неприятности, пока проржавевшая цепь велосипеда, лопнув, не хлестнула его по икре. Он был уже довольно близко; я видел, как он поморщился, и слышал, как он вскрикнул от боли. Велосипед завихлял, но Джейсон каким-то чудом не упал.

Обрывок цепи запутался в заднем колесе и молотил по спицам с таким звуком, словно заело перфоратор. В двух домах от меня в саду возилась женщина. Она отвлеклась от прополки и, зажав уши, обернулась посмотреть, что происходит.

Джейсон на удивление долго контролировал велосипед. Силачом он не был, но прекрасно владел своим долговязым телом. Расставил ноги для равновесия (от педалей уже не было толку), держал руль прямо, зажимал ручку тормоза, блокируя заднее колесо. И не падал. Что поразительнее всего, тело его не напряглось, а, наоборот, расслабилось, словно Джейсон погрузился в решение трудной, но увлекательной задачи, словно был абсолютно уверен, что с нынешней его ипостасью – сочетанием разума, тела и машины – не может случиться ничего плохого.

Первым сдался механизм. Фрагмент промасленной цепи, до этого болтавшийся в опасной близости от ноги Джейсона, застрял между крышкой и рамой. И без того ослабленное колесо изогнулось под невероятным углом и сложилось пополам, усыпав асфальт ошметками резины и шариками подшипников. Джейсон слетел с велосипеда и закувыркался в воздухе, словно манекен, выброшенный из окна небоскреба. Первый удар пришелся на подошвы, потом на колени, локти, голову. Джейсон растянулся на асфальте, а останки моего старичка, прокатившись мимо, упокоились в водосточной канаве. Переднее колесо все еще крутилось и позвякивало. Я бросил велосипед Джейсона и помчался к месту крушения.

Джейс уже перекатился на спину и озадаченно смотрел в небо. Брюки с рубашкой разодраны, на лбу и кончике носа страшные ссадины, лицо залито кровью. На икре рваная рана. Глаза слезятся от боли.

– Тайлер, – заговорил он, – ай... дружище, прости, я... ай... ой... угробил твой велик.

Происшествие вполне заурядное, но в последующие годы я не раз его вспоминал. Вспоминал, как Джейсон – совокупность человека и механизма – набирает опасное ускорение, и снова видел его непоколебимую веру в то, что он сам, один сумеет все исправить, нужно лишь как следует постараться, совладать с управлением. Нужно лишь не потерять контроль.

* * *

Велосипед восстановлению не подлежал. Бросив его в канаве, мы отправились домой. Я всю дорогу катил Джейсонова красавца, а сам Джейсон ковылял рядом и делал вид, что ему не больно. Держался правой рукой за окровавленный лоб, словно у него раскалывалась голова. Думаю, так оно и было.

Через какое-то время мы уже плелись по подъездной дорожке Казенного дома, а родители Джейсона спускались с крыльца нам навстречу. Наверное, Лоутон заметил нас из окна своего кабинета. Вид у И Ди был встревоженный и сердитый – уголки рта уехали вниз, брови нахмурились, взгляд стал пронзительным. За его спиной маячила мама Джейсона. Лицо у нее было не слишком заинтересованное и даже отстраненное. Выходя из дома, она пошатывалась: наверное, выпила лишнего.

И Ди обследовал Джейса (тот вмиг растерял свою подростковую самоуверенность), после чего велел ему бежать в дом и привести себя в порядок.

Затем он повернулся ко мне и сказал:

– Тайлер...

– Да, сэр?

– Допускаю, что ты ни при чем. Надеюсь, что я прав.

Заметил, что мой велик исчез, а на Джейсоновом нет ни царапины? В чем-то меня обвиняет? Я не знал, что сказать, поэтому уставился на лужайку.

– Позволь объяснить, – вздохнул И Ди. – Вы с Джейсоном дружите, это хорошо. Ему нужен друг. Но будь добр понимать не хуже твоей матери, что допуск в наш дом влечет за собой определенные обязательства. Если хочешь проводить время с Джейсоном, я ожидаю от тебя разумного поведения. Я рассчитываю, что ты будешь за ним присматривать. Предположу, что он кажется тебе обычным мальчиком, но это не так. Мой сын одаренный, у него большое будущее. Ничто не должно помешать Джейсону реализовать себя.

– Точно, – поддакнула Кэрол Лоутон, и я убедился, что она навеселе.

Она склонила голову набок и чуть не поскользнулась на гравийной дорожке между асфальтом и живой изгородью.

– Он долбаный вундеркинд, – выдала она. – Будет самый юный гений в МТИ. Смотри не сломай его, Тайлер, он очень хрупкий.

– Кэрол, ступай в дом, – ледяным тоном велел И Ди, не сводя с меня глаз. – Мы друг друга поняли, Тайлер?

– Так точно, сэр, – соврал я.

Я вообще его не понял. Но знал, что в чем-то он прав. Да, Джейсон особенный. И да, присматривать за ним – моя работа.

Свихнувшееся время

Правду про Спин я узнал через пять лет после Октябрьских событий, зимним вечером на саночной вечеринке. Стоял трескучий мороз. Новости, естественно, принес Джейсон.

Вечер начался с ужина у Лоутонов. Джейсон вернулся из университета на рождественские каникулы, и стол накрыли по-праздничному, хотя за ужином собралась «только семья» (меня пригласили по настоянию Джейса и, наверное, вопреки возражениям И Ди).

– Твою маму тоже нужно было позвать, – шепнула Диана, открывая мне дверь. – Я пробовала уломать Эда, но...

Она пожала плечами.

Ничего страшного, сказал я, Джейсон уже заходил с ней поздороваться. В любом случае она неважно себя чувствует. Как ни странно, слегла с головной болью. К тому же мне было не с руки жаловаться на И Ди – буквально в прошлом месяце он сказал, что оплатит мое обучение в медицинском колледже, если я сдам вступительный экзамен. «Потому что, – добавил он, – твой отец бы это оценил». Жест столь же щедрый, сколь и неискренний, но я был не в том положении, чтобы отказываться.

В Сакраменто Маркус Дюпре, мой отец, был лучшим другом И Ди. Некоторые говорили, что единственным. В те времена они с Лоутоном впаривали мониторинговые аэростаты

метеорологической службе и пограничникам. Я представлял себе отца лишь в общих чертах, слившихся с рассказами матери, хотя ясно помнил стук в дверь в тот вечер, когда он погиб. Он рос единственным сыном в семье бедняков-франко-канадцев, обосновавшихся в штате Мэн, гордился дипломом инженера, был талантлив, но наивен в денежных вопросах: потерял сбережения в череде биржевых ставок и не оставил нам ничего, кроме непосильной ипотеки.

Переезжая на восток, Лоутоны предложили матери место экономки; наверное, так И Ди воздавал почести погибшему другу. И разве так уж важно, что он постоянно попрекал мать этой услугой? Так уж важно, что с той поры И Ди обращался с ней как с бытовым прибором? Что установил кастовую систему, в которой членам семьи Дюпре отводилось место людей второго сорта? Как знать. Любого рода щедрость – редкий зверь, не раз говорила мать. Вероятно, я просто воображал, что И Ди наслаждается интеллектуальной пропастью между мной и Джейсоном. Или обращал на это слишком много внимания. Ясно одно: И Ди был убежден, что мое предназначение – контрастировать с его сыном. Быть усредненным мерилom его уникальности.

К счастью, мы с Джейсом знали, что все это чушь.

Когда я пришел, Диана и Кэрол уже сидели за столом. Сегодня Кэрол была на удивление трезва – или пьяна, но не настолько, чтобы это было заметно. Пару лет назад она бросила медицинскую практику и в последнее время сидела до-

ма, чтобы не нажить неприятностей за вождение в нетрезвом виде.

– Добро пожаловать, Тайлер, – с формальной улыбкой сказала она.

Через несколько минут сверху спустились Джейсон с отцом. Оба хмуро переглядывались: очевидно, что-то произошло. Усаживаясь рядом со мной, Джейс рассеянно кивнул.

На семейных застольях у Лоутонов было принято вести себя сдержанно и подчеркнуто любезно. Мы передавали друг другу горошек и перебрасывались дежурными фразами. Кэрол по большей части смотрела в пустоту, а И Ди отмалчивался, что было для него не типично. Диана и Джейсон пробовали завязать разговор, но ясно было, что отца с сыном что-то гложет и они не намерены это обсуждать. Джейс в основном смотрел в тарелку, но почти ничего не ел; был такой тихий, что к десерту я заволновался, не приболел ли он. Когда пришло время ехать на саночную вечеринку, он с очевидной неохотой встал, и я понял, что сейчас он начнет отпрашиваться, но И Ди Лоутон его опередил:

– Ладно, возьми сегодня выходной. Это пойдет тебе на пользу.

«Выходной? – подумал я. – Что за выходной? От какой такой работы?»

Мы забрались в непритязательную крошечную «хонду» (модели «моя первая машина», как ее определила Диана). Я расположился за водительским сиденьем. Джейс сел

спереди, рядом с сестрой, уперся коленями в бардачок и мрачно уставился в лобовое стекло.

– Он что, тебя отшлепал? – спросила Диана.

– Не совсем.

– А ведешь себя так, будто он тебя отшлепал.

– Да? Ну извини.

Небо, понятно, было черным. Когда мы свернули на север, свет фар заскользил по заснеженным лужайкам и шеренге голых деревьев. Тремя днями раньше случился рекордный снегопад, потом ударил мороз, и везде, где не ходил грейдер, сугробы обрели покой под толстой коркой льда. Машин на дороге было немного, никто не лихачил.

– Так что случилось? – спросила Диана. – Что-то серьезное?

Джейсон пожал плечами.

– Голод? Мор? Война?

Он снова пожал плечами и поднял воротник куртки.

* * *

На вечеринке ему не полегчало. Да и вечеринка была так себе.

Сборище бывших одноклассников и знакомых Джейсона и Дианы в поместье кого-то из выпускников школы Райса. Сейчас он учился в университете Лиги плюща. Его родители постарались устроить достойный тематический вечер:

британские мини-сэндвичи, горячее какао, катание на санках с пологой горки за домом. Но для большинства гостей – пресыщенных ребят, успевших покорить лыжные склоны Церматта или Гштада еще до того, как им сняли брекет-ы, – встреча с одноклассниками была лишь поводом для нелегальной пьянки. Во дворе под разноцветными огоньками курсировали серебряные фляжки; на цокольном этаже некий Brent развернул розничную торговлю экстази.

Джейсон занял кресло в углу, сидел там и кривился в ответ на дружелюбные улыбки. Диана познакомила меня с большеглазой девушкой по имени Холли, а потом куда-то делась. Холли завела шарманку про фильмы, виденные ею за последний год. Битый час водила меня по комнате, то и дело останавливаясь, чтобы стащить с подноса ролл «Калифорния». Наконец извинилась и убежала в туалет; я же подрулил к страдальцу Джейсону и взмолился, чтобы тот составил мне компанию во дворе.

– Не в том я настроении, чтобы кататься на санках.

– Я тоже. Просто сделай одолжение.

Мы обулись, надели куртки и вывалились на улицу. Ночь была морозной и безветренной. Человек шесть выпускников стояли у крыльца, окутанные сигаретным дымом, и бросали в нашу сторону недружелюбные взгляды. Мы шагали по протоптанной в снегу тропинке, пока не оказались в относительном уединении на вершине невысокого холмика. Оттуда видно было, как немногочисленные катальщики без энтузи-

азма буксуют на санках под цирковой иллюминацией рождественских гирлянд. Я рассказал Джейсону, что ко мне прилипла некая Холли, словно пиявка в модной шкуре фирмы «Гэп». Он пожал плечами:

– У всех свои проблемы.

– Черт возьми, да что с тобой сегодня?

Не успел он ответить, как у меня запищал мобильный. Из дома звонила Диана.

– Ребят, вы куда запропастились? Холли места себе не находит. Тайлер, ты грубиян. Взял и бросил девушку.

– Там и без меня народу хватает. Пускай найдет себе другого слушателя.

– Она почти никого здесь не знает, вот и нервничает.

– Извини, но почему это должно меня волновать?

– Я думала, у вас что-нибудь получится.

– Получится? – Я оторопел: у этого слова могла быть лишь одна трактовка, и весьма неприятная. – Ты что, сосватать меня решила?

Пару секунд она виновато молчала.

– Тайлер, ну что ты... Не надо так говорить.

Последние пять лет Диана то врывалась в раскадровку моей жизни, то выплывала из нее, словно в любительском фильме. Иногда – особенно после отъезда Джейсона в университет – мне казалось, что я ее лучший друг. Она звонила, мы разговаривали, вместе ходили по магазинам и в кино. Вели себя, как положено друзьям. Приятелям. Сексуаль-

ное напряжение (если оно вообще заслуживает упоминания) имелось лишь с моей стороны, и я заботливо его скрывал, без лишних слов понимая, что даже нынешний намек на интимность – весьма хрупкая штука. Да, я зачем-то был нужен Диане, но не в романтическом смысле.

И Ди, конечно, не допустил бы между нами отношений, выходящих за рамки инфантильно-платонических и способных принять опасный поворот. Саму Диану, пожалуй, тоже устраивала дистанция между нами. Бывали месяцы, когда мы с ней почти не виделись. Я мог помахать рукой, заметив, что она ждет микроавтобус (когда она еще училась в школе Райса), но в такие периоды она мне не звонила. Если я, набравшись храбрости, набирал ее номер, у Дианы не было настроения разговаривать.

Я же тем временем ходил на эпизодические свидания с девочками из школы – по большей части застенчивыми, смирившимися с жизнью на социальной периферии, – и даже они намекали (зачастую весьма недвусмысленно), что предпочли бы встречаться с более популярным парнем. Такие связи длились недолго. В семнадцать лет я потерял девственность с миловидной и ошеломляюще рослой девицей по имени Элейн Боулэнд; старательно убеждал себя, что влюблен, но через пару месяцев распрощался с ней, чувствуя не то печаль, не то облегчение.

После каждого подобного эпизода мне неожиданно звонила Диана и мы разговаривали. Я не рассказывал ни об Элейн

Боулэнд, ни о Тони Хикок, ни о Саре Берштейн, а Диана в свою очередь не распространялась о том, как проводила свободные часы, пока мы не общались. И нас это устраивало, ведь спустя пару дней наша особая связь восстанавливалась и мы вновь балансировали на грани притворства и романтики, зрелости и детства.

Большого я старался не ожидать, но постоянно желал ее общества и думал, что она желает моего. Как ни крути, она из раза в раз возвращалась к нашим беседам. Порой я замечал, что рядом со мной она расслабляется. Входя в комнату, я видел ее искреннюю улыбку сродни заявлению: «О, здорово, вот и Тайлер. Когда он рядом, ничего плохого не случается».

– Тайлер?

Интересно, что она сказала Холли. «Тайлер очень милый, но волочит за мной уже несколько лет... Из вас выйдет отличная пара!»

– Тайлер? – У нее был вконец расстроенный голос. – Тайлер, если не желаешь разговаривать...

– Вообще-то, правда не желаю.

– В таком случае передай, пожалуйста, трубку Джейсону.

Я протянул ему телефон. Послушав пару секунд, Джейсон сказал:

– Мы на холме. Нет. Нет. Давай ты лучше сама придешь? Здесь не так уж холодно. Нет.

Я не хотел ее видеть, поэтому пошел прочь. Джейсон бросил мне телефон:

– Тайлер, не залупайся. Мне нужно поговорить с вами обоими. С тобой и с Дианой.

– О чем?

– О будущем.

Услышав столь таинственный ответ, я рассердился:

– Тебе, может, и не холодно, но я замерз.

Я и правда замерз.

– Это поважнее любых твоих разногласий с моей сестрой. – Лицо у него было до смешного серьезное. – А я знаю, как ты к ней относишься.

– Я никак к ней не отношусь.

– Это неправда, даже будь вы просто друзьями.

– Мы и есть просто друзья. – Я никогда не разговаривал с ним о Диане; это была одна из нежелательных тем. – Не веришь, сам у нее спроси.

– Ты злишься, потому что она познакомила тебя с этой Холли.

– Не хочу об этом говорить.

– Дело в том, что она старается творить добро. Это ее новая фишка. Диана книжек начиталась.

– Каких книжек?

– По теологии Апокалипсиса. Типа «Молитвы во тьме» Рателя – отказ от мирского «я» и прочая популярная ерунда. Почаще смотри днем телевизор, Тайлер. Она не хотела тебя обидеть. Это вроде как добрый поступок.

– И поэтому я должен притвориться, что все нормально?

Я сделал еще несколько шагов в сторону дома, думая, как бы уехать отсюда без собственной тачки.

– Тайлер, – сказал Джейсон таким тоном, что я не мог не обернуться. – Послушай. Ты спрашивал, что меня беспокоит.

Он вздохнул.

– Эд рассказал мне кое-что про Октябрьские события. Но это секрет. Я обещал сохранить все в тайне. Но собираюсь нарушить слово. Знаешь почему? Потому что на всем белом свете у меня лишь трое родных людей. Один – мой отец, а двое других – Диана и ты. Может, потерпишь меня еще пару минут?

Я заметил, что на холм взбирается Диана, по пути сражаясь с белоснежной паркой: одна рука в рукаве, другая нет.

Затем перевел взгляд на Джейсона. В тусклом свете праздничных фонариков у него был чрезвычайно понурый вид. Мне стало страшно. Наступив на горло своим чувствам, я согласился его выслушать.

* * *

Когда Диана подошла к беседке, Джейсон что-то ей шепнул. Изумленно взглянув на него, Диана попятилась. Затем Джейсон начал говорить: тихо, монотонно, даже успокоительно, словно читал сказку перед сном. Но это была не сказка. Это был кошмар.

Обо всем он узнал от отца. От кого же еще?

После Октябрьских событий дела у И Ди пошли в гору. Когда отказали спутники, завод Лоутона незамедлительно предложил практичную технологию замещения: стратостаты, воздушные шары особой конструкции, способные зависать в стратосфере на неопределенный срок. Пятью годами позже стратостаты И Ди, оснащенные телекоммуникационными приборами и ретрансляторами, успешно справлялись с многопоточной передачей голосовых и прочих данных – каких угодно, кроме астрономических и навигационных, – то есть почти полностью заменили традиционные спутники. В скором времени влияние И Ди пошло в рост, и он дорвался до власти. Недавно организовал группу, лоббирующую интересы авиакосмической отрасли, – «Фонд перигелия» – и, бывало, консультировал федеральное правительство по менее публичным проектам, в том числе по программе НАСА, получившей название АРУ (автоматические разведывательные устройства).

В НАСА эту тему прощупывали уже пару лет. Первоначальной целью программы было изучение Октябрьского щита: можно ли выйти за его пределы и собрать полезную информацию по ту сторону барьера?

Первый запуск с военно-воздушной базы Ванденберг оказался, по сути дела, выстрелом наугад. Простенький АРУ отправился в крошечную тьму на восстановленной ракете «Локхид Мартин Атлас-2 АС». Почти сразу стало ясно, что

операция провалилась. Планировалось, что спутник проведет на орбите семь дней, но он упал в Атлантический океан неподалеку от Бермудских островов через несколько секунд после запуска. Словно отскочил от горизонта событий. Но он не отскочил.

– Когда спутник нашли, – говорил Джейсон, – оказалось, что он собрал данные за целую неделю.

– Быть того не может!

– Может, не может... Вопрос не в этом. Вопрос в том, что случилось. А случилось вот что: аппарат провел неделю на орбите, но вернулся на Землю в ночь запуска. И в первый раз, и во все последующие. Поэтому у нас не остается пространства для сомнений.

– Так что произошло? О чем ты, Джейс? О путешествии во времени?

– Нет... Не совсем.

– Не совсем?

– Не перебивай. Дай ему сказать, – тихо попросила Диана.

Ключей к пониманию истинного положения вещей было множество, пояснил Джейсон. Судя по наблюдению с Земли, перед барьером ракеты ускорялись, а потом исчезали, словно их затягивало на ту сторону. Но аппаратура спутников не фиксировала такого эффекта, и оба потока данных оказывались несопоставимы. С Земли было видно, что перед барьером спутники набирают скорость и почти сразу же падают обратно; бортовые самописцы, однако, докладывали, что

спутники чинно-мирно выходят на заданную орбиту, остаются на ней в течение установленного времени и возвращаются в надлежащий срок, через несколько недель или месяцев. (Я вспомнил русского космонавта, чей рассказ, не получив ни подтверждения, ни опровержения со стороны официальных лиц, превратился в подобие городской легенды.) Если предположить, что оба потока данных верны, напрашивалось лишь одно объяснение.

За барьером время течет с иной скоростью.

Или, если поменять слагаемые местами, время на Земле тянется медленнее, чем на просторах Вселенной.

– Понимаете, что это значит? – спросил Джейсон. – Раньше мы считали, что оказались в некоем подобии клетки Фарадея, которая регулирует поток энергии, достигающий земной поверхности. Да, все так, но это лишь побочный эффект. Крошечный фрагмент общей картины.

– Побочный эффект? Чего именно?

– Явления под названием «темпоральный градиент», временного сдвига. Улавливаешь смысл? За одну земную секунду по ту сторону барьера проходит чертова уйма времени.

– Чушь какая-то, – тут же сказал я. – Проклятье, это же идет вразрез со всеми законами физики!

– Над этим вопросом бьются люди гораздо опытнее меня. Но теория темпорального градиента не лишена объяснительной силы. Если между нами и Вселенной существует временной дифференциал, космическая радиация, достига-

ющая земной поверхности в отдельно взятый момент, – то есть солнечный свет и рентгеновские лучи – растет прямо пропорционально этой разнице. Если втиснуть годовой запас солнечного света в десять секунд, на выходе получим верную смерть. Так что электромагнитный барьер вокруг Земли создан вовсе не для маскировки. Он защищает нас. Отсеивает концентрированную радиацию, но ее давление непрерывно растет.

– Фальшивое солнце, – кивнула Диана.

– Вот именно. Нам дали искусственный солнечный свет, потому что настоящий убил бы нас. Ровно столько солнца, сколько нужно для имитации времен года, поддержки сельского хозяйства и обеспечения привычной погоды. Приливы и отливы, траектория вращения вокруг Солнца – масса, ускорение, гравитация – все это подделано: не только для того, чтобы замедлить ход времени на планете, но и чтобы мы не вымерли в процессе.

– Подделано, – повторил я. – То есть это не природное явление. Это инженерия.

– Да, – сказал Джейсон. – Мы вынуждены это признать.

– То есть наша планета – объект манипуляций?

– Поговаривают об управляющем интеллекте.

– А смысл? С какой целью все это делают?

– Не знаю. Никто не знает.

Диана долго смотрела на брата сквозь неподвижный морозный воздух. Потом запахнула парку и задрожала. Не из-

за холода, нет. Из-за того, что у нее назрел фундаментальный вопрос:

– Сколько времени, Джейсон? Сколько времени там прошло?

Там, по ту сторону беззвездного неба.

Джейсон помедлил. Я видел, что ему не хочется отвечать.

– Очень много, – наконец признался он.

– Скажи сколько, – еле слышно попросила она.

– Что ж, измерения бывают разные, но последний спутник сделал расчеты по калибровочному сигналу, отраженному от поверхности Луны. Вы же в курсе, что Луна с каждым годом отдаляется от Земли? На крохотное, но измеримое расстояние. Получив это значение, можно составить что-то вроде приблизительного календаря. Чем больше прошло времени, тем точнее будет этот реестр. Плюс другие факторы: движение ближайших звезд...

– *Джейсон! Скажи сколько!*

– На Земле – пять лет и пара месяцев. За барьером, соответственно, чуть больше пятисот миллионов лет.

Невообразимое число.

Я не знал, что сказать. В голову не шло ни единого слова. Я онемел. Утратил способность мыслить. Вокруг царила пустая, морозная и абсолютно беззвучная ночь.

Затем Диана, уловившая самую суть этого кошмара, спросила:

– И сколько нам осталось?

– Этого я тоже не знаю. Однозначного ответа нет. В какой-то степени нас защищает барьер, но насколько эффективна его защита? Однако есть непреложные факты. Как и любая звезда, Солнце не вечно. Оно стареет, сжигает водород, становится жарче и увеличивается в размерах. Земля находится в обитаемой зоне Солнечной системы, и эта зона неуклонно расширяется. Повторю: что бы ни случилось, еще какое-то время мы будем под защитой барьера. Но в конце концов Солнце поглотит Землю. Рано или поздно мы пройдем точку невозврата.

– Сколько нам осталось, Джейс?!

– Лет сорок. Может, пятьдесят. – Он с жалостью посмотрел на Диану. – Плюс-минус.

4×10^9 нашей эры

Боль была почти невыносимой, даже несмотря на морфий (Диана купила его в одной из аптек Паданга по возмутительной цене), но интермиттирующая лихорадка оказалась еще хуже.

Жар накатывал плотными бурлящими волнами, голова раскалывалась от внезапного шума в ушах. Тело мое становилось капризным, непредсказуемым. Однажды ночью я потянулся за несуществующим стаканом воды и разбил настольную лампу, разбудив грохотом пару из соседнего номера.

С наступлением утра я на время пришел в себя, но не помнил ночного происшествия. Зато видел засохшую кровь на костяшках пальцев и слышал, как Диана откупается от ворчливого консьержа.

– Я что, правда разбил лампу?

– Как видишь.

Она сидела в плетеном кресле у кровати. Уже заказала еду в номер – омлет и апельсиновый сок, – и я догадался, что сейчас утро. Сквозь тюль на окне голубело небо. Балконная дверь была открыта, и приятный теплый ветерок носил по комнате ароматы океана.

– Извини, – сказал я.

– Ты был не в себе. Я бы посоветовала все забыть, но ты, по-моему, и так ничего не помнишь. – Она положила прохладную ладонь мне на лоб. – К сожалению, все еще впереди.

– Сколько прошло?..

– Неделя.

– Всего лишь неделя?

– Да. Всего лишь.

Выходит, я еще не вытерпел и половины этой пытки.

* * *

Зато во время просветлений я мог делать записи.

Графомания – один из побочных эффектов инъекции. Проходя через такую же процедуру, Диана исписала четырнадцать листов формата «фулскап» фразой «Не я ли сторож брату моему». Сотни почти идентичных строк. Я же, мягко говоря, графоманил чуть более связно. В ожидании нового приступа я марал страницу за страницей и складывал плоды своих трудов в стопку на тумбочке. Временами перечитывал, пытаюсь как следует все запомнить.

Дианы не было весь день. Вечером я спросил, чем она занималась.

– Налаживала связи.

Она рассказала о знакомстве с транзитным брокером: минанкабау по имени Джала, владельцем импортно-экспортной компании, который пользовался фирмой как прикрыти-

ем для более прибыльного эмиграционного посредничества. Джалу знают все в порту, сказала Диана. У него была пара свободных мест. За них, надеясь найти свой утопический кибуц, торговались какие-то полоумные, но Диана планировала перебить их предложение. Хотя до заключения сделки было еще далеко, Диана смотрела в будущее с осторожным оптимизмом.

– Будь внимательна, – сказал я. – Не исключено, что нас до сих пор ищут.

– Ничего подозрительного я не заметила. Хотя... – Она пожала плечами, затем взглянула на блокнот у меня в руке. – Снова пишешь?

– Помогает не думать о боли.

– И как, нормально? Ручку держать можешь?

– Как при последней стадии артрита, но справляюсь. – Пока что, подумал я. – Да, неудобно, но оно того стоит.

Конечно, я делал записи не только, чтобы отвлечься от боли. И не только из-за графомании. Переноса мысли на бумагу, я снижал концентрацию тревоги в организме. Выплескивал ее наружу.

– Отлично получается, – сказала Диана.

– Ты что, читала мой текст? – ужаснулся я.

– Ты сам попросил. Ты умолял меня, Тайлер.

– Наверное, в бреду?

– Выходит, что так. Хотя в тот момент ты вел себя вполне разумно.

– Я писал его без оглядки на аудиторию.

Получается, я показал ей свои труды, а потом забыл об этом. Жесть! О чем еще я забыл?

– В таком случае больше читать не буду. Но то, что уже прочла... – Она склонила голову набок. – Удивительно, что ты питал ко мне столь сильные чувства. Я польщена.

– Да брось. Что в этом удивительного?

– Больше, чем ты можешь представить. Парадоксально, но факт, Тайлер: в твоём тексте я равнодушная девочка. Если не сказать, жестокая.

– Никогда не считал тебя ни равнодушной, ни жестокой.

– Дело не в твоём мнении. Дело в том, как я вижу себя со стороны.

Все это время я сидел на кровати, демонстрируя, что полон сил и настроен стоически, но на самом деле во мне говорили болеутоляющие, и действие их подходило к концу. Я задрожал, что предвещало новый приступ лихорадки.

– Хочешь знать, когда я в тебя влюбился? Может, и стоит об этом написать. Это важно. Я влюбился, когда мне было десять...

– Ох, Тайлер, Тайлер. В десять лет не влюбляются.

– Это случилось, когда сдох Блаженный Августин.

Блаженный Августин был личный питомец Дианы, черно-белый спрингер-спаниель, живенький и страшно породистый. Диана называла его Святым Псом.

– Мрачные у тебя шуточки, – поморщилась она.

Но я не шутил. И Ди Лоутон купил щенка сгоряча: наверное, захотел украсить пространство у камина в Казенном доме чем-то вроде пары винтажных андиранов – подставок для поленьев, известных под названием «пожарные собаки». Но наш пес воспротивился судьбе. Он был вполне декоративен, но оказался жутко любопытным и к тому же хулиганистым. Со временем И Ди стал относиться к нему с презрением; Кэрол Лоутон делала вид, что его не существует; Джейсон охотно наблюдал за его проделками. Но Диана – ей тогда было двенадцать – очень привязалась к собаке. Когда они были вместе, оба расцветали. Полгода Пес ходил за Дианой хвостом, разве что в школу с ней не ездил. Однажды летним вечером, когда они играли на лужайке, я впервые увидел Диану в новом свете; впервые понял, что мне нравится просто смотреть на нее. Они с Псом носились по траве; потом Диана выбивалась из сил, а собака терпеливо ждала, пока она переводила дух. Диана заботилась о животном больше, чем все остальные Лоутоны, вместе взятые. Тонко чувствовала его настроение, и Блаженный Августин отвечал ей взаимностью.

Если бы меня спросили, почему мне нравилось наблюдать за их возней, я не смог бы ответить. Пожалуй, в напряженном мире Лоутонов, в чопорном Казенном доме это был оазис чистой любви. Будь я собакой, я бы ревновал. Но поскольку я дитя человеческое, то видел лишь, что Диана особенная, что она сильно отличается от остального семейства. Ей была свойственна эмоциональная щедрость, а другие Ло-

утоны или утратили эту важную черту, или знать о ней не знали.

Той осенью Блаженный Августин скончался, скоропостижно и безвременно. Он был почти щенок. Глядя на убитую горем Диану, я понял, что влюблен.

Нет, это и правда звучит как мрачная шутка. Поясню: я влюбился в Диану не потому, что она горевала по Псу. Я влюбился потому, что она могла, умела, способна была оплакивать собаку, в то время как все остальные не проявляли ничего, кроме равнодушия, или втихомолку радовались, что в Казенном доме больше нет Блаженного Августина.

– Я думала, что не переживу его смерти, – сказала Диана и отвернулась от кровати к солнцу за окном.

Мы похоронили Блаженного Августина в сосновом бору за лужайкой. Диана соорудила над могилой каменный курганчик; весной она поправляла его, и так десять лет подряд, пока не уехала из дома.

В первых числах каждого времени года она приходила к этим памятным камням, складывала руки у груди и безмолвно молилась. Кому, о чем – я не знаю. Понятия не имею, что такое молитва. Сам я молиться не умею и вряд ли научусь.

Но тогда я впервые увидел, насколько велик мир Дианы. Понял, что он не ограничивается громадой Казенного дома. Узнал, что в этом мире бывают приливы радости и отливы горя – неумолимые, как и положено приливам и отливам бескрайнего океана.

Ночью вернулась лихорадка. Не помню ничего, кроме периодического ужаса: раз в час мне казалось, что препарат стер некоторые воспоминания и я не сумею их восстановить. Я страдал от ощущения невосполнимой утраты; такое бывает во сне, когда тщетно хлопаешь по карманам в поисках пропавшего бумажника, ищешь фамильные часы, драгоценную безделушку, самого себя. Всем телом я ощущал работу марсианского препарата, чувствовал, как он идет в атаку, заключает временное перемирие с моей иммунной системой, готовит клеточные плацдармы и берет в окружение вражеские хромосомы.

Когда я пришел в себя, Дианы уже не было в номере. Чуть раньше она сделала мне укол морфия. Не чуя боли под его защитой, я сполз с кровати, сумел сходить в туалет и перебрался на балкон.

Время ужина. Солнце еще не село, но небо сделалось тускло-синим. В воздухе стоял запах кокосового молока и дизельных выхлопов. На западе застывшей ртутью светилась Дуга.

Я понял, что меня снова тянет на писанину; потребность явилась ко мне, словно отзвук лихорадки. При мне был блокнот, наполовину исчерканный неразборчивыми каракулями. Нужно будет попросить Диану, чтобы купила еще один. Или

сразу два. А потом я испещрю их словами.

Якорями, на которых держатся лодчонки памяти; иначе они не переживут урагана.

В Беркширах поговаривают о конце света

После саночной вечеринки я не видел Джейсона несколько лет, хотя связи мы не теряли. В тот год, когда я выпустился из медицинской школы, мы встретились снова – в летнем домике в Беркширах, в двадцати минутах езды от Тэнглвуда.

Я был очень занят: четыре года учебы в колледже, волонтерская работа в местной больнице и подготовка к вступительному тесту в медицинский колледж (которую я начал заранее, за пару лет). Благодаря среднему баллу, результатам теста, пачке рекомендательных писем от научных руководителей и других уважаемых людей (а также щедрости И Ди) я попал в медицинский кампус Университета штата Нью-Йорк в Стоуни-Брук, где провел еще четыре года. Учеба позади, диплом в кармане, но практиковать я смогу лишь после второй специализации, а это как минимум еще три года.

Так что я был в числе тех, кто жил по накатанной, словно о конце света еще не объявили. Нас было большинство.

Возможно, все бы изменилось, если бы Судный день предсказали с точностью до часа. Каждый мог бы определиться с линией поведения накануне апокалипсиса – от паники до благочестивого смирения – и проводить человеческую историю в последний путь, вдумчиво рассчитав время и погля-

дывая на часы.

Но перед нами маячила лишь высокая вероятность тотального уничтожения, ибо Солнечная система быстро становилась непригодной для жизни. Пожалуй, ничто не могло веками защищать нас от разбухающего Солнца (фото с орбитальных зондов НАСА видели все без исключения), но пока что нас ограждал барьер, воздвигнутый по непонятным причинам. Кризис, если речь вообще шла о кризисе, оставался нематериальным; органами чувств мы воспринимали лишь отсутствие звезд – отсутствие как нечто очевидное, очевидность отсутствия.

Как выстроить жизнь с поправкой на угрозу вымирания? Этот вопрос определил пути нашего поколения, и Джейсон без труда нашел на него ответ. Он с головой погрузился в проблему Спина, и вскоре Спин завладел его жизнью без остатка. Я тоже принял решение с относительной легкостью, ведь я и так собирался идти в медицину, а в атмосфере назревающей катастрофы такой вариант выглядел вдвойне разумным. Я воображал, как буду спасать жизни, если конец света окажется не таким уж гипотетическим и растянется на некоторое время. Какой в этом смысл, если все мы обречены? Зачем кого-то спасать, если в скором времени весь род людской сыграет в ящик? Но врачи общей практики занимаются не спасением жизни, но ее пролонгацией, а в случае неудачи обеспечивают паллиативную помощь и обезболивание. Это, пожалуй, самый нужный из всех врачебных навы-

ков.

Кроме того, медицинская школа стала для меня долгим, безжалостным, изматывающим, но желанным избавлением от остальных мирских напастей.

В общем, я неплохо справился. И Джейсон тоже. Но многие справились похуже, Диана в том числе.

* * *

Когда позвонил Джейсон, я наводил порядок в съемной двушке в Стоуни-Брук.

Дело было за полдень. В небе сияла оптическая иллюзия, неотличимая от Солнца. Мой «хендэ» стоял на парковке в ожидании поездки домой. Я планировал провести пару недель у матери, а потом неделю-другую не спеша поехать по стране. В скором времени меня ждала стажировка в медицинском центре «Харборвью» в Сиэтле, и на последних своих каникулах мне хотелось повидать мир или хотя бы ту его часть, что находится между штатами Мэн и Вашингтон. Но у Джейсона были другие планы. Не успел я толком поздороваться, как он взял быка за рога:

– Тайлер, от такого грех отказываться. Эд снял летний домик в Беркширах.

– Да? Ну что тут скажешь, молодец.

– Но не сможет туда поехать. На той неделе он был в Мичигане, инспектировал фабрику алюминиевых изделий, упал

с погрузочной платформы, и теперь у него трещина в бедре.
– Сочувствую.

– Ничего серьезного. Он идет на поправку, но какое-то время будет на костылях. Не желает тащиться в Массачусетс только ради того, чтобы сидеть на лавочке с таблеткой «Перкодана» под языком. А Кэрол с самого начала относилась к этой затее весьма прохладно.

Неудивительно. Кэрол стала профессиональной пьяницей. Не представляю, чем она занималась бы в Беркширах в компании И Ди Лоутона. Разве что пила бы больше обычного.

– Дело в том, – тараторил Джейс, – что по договору отыграть назад уже не получится и дом три месяца простоит пустым. Вот я и подумал: раз ты окончил медшколу, давай-ка соберемся хотя бы на пару недель. Может, уговорим Диану приехать. Поживем в мире и согласии. Погуляем по лесу. Типа, как в старые времена. Вообще-то, я уже в пути. Что скажешь, Тайлер?

Я собрался было отказать, но подумал о Диане. Подумал о нескольких письмах и звонках вежливости, которыми мы обменялись, подумал обо всех вопросах, что повисли между нами без ответа. Разумнее всего было бы сказать «нет». Но к моменту, когда до меня это дошло, я уже успел произнести «да».

Итак, я снова переночевал на Лонг-Айленде, после чего сунул последние пожитки в багажник и выехал на Нортерн-Стейт-паркуэй, а оттуда – на Лонг-Айлендскую магистраль.

Дорога была свободная, погода на удивление хорошая. Небо высокое, голубое, воздух теплый и приятный. Мне хотелось продать завтрашний день тому, кто предложит лучшую цену, и навеки остаться во втором июля. Давненько я не чувствовал себя таким счастливым, и с лица моего не сходила дурацкая улыбка. Счастье было осязаемым.

Пока я не включил радио.

Я еще застал времена, когда радиостанцией называлось здание с передатчиком и мачтовой антенной, а качество радиосигнала плавало от города к городу. Таких станций по-прежнему хватало, но аналоговый приемник моего «хендэ» сдох где-то через неделю после окончания гарантийного срока. В моем распоряжении осталось цифровое вещание: ретрансляции с одного или нескольких стратостатов И Ди. Обычно я закачивал и слушал джаз двадцатого века; любовь к джазу я подцепил, копаясь в отцовской коллекции пластинок. Делал вид, что это мое фамильное наследство: Дюк Эллингтон, Билли Холидей, Майлз Дэвис... Во времена молодости Маркуса Дюпре эта музыка уже была старой, а потом

его фонотека перешла ко мне – тайком, словно семейный секрет. В тот момент мне хотелось послушать «Гарлемский воздуховод» Дюка, но парень, проводивший техобслуживание перед поездкой, сбил все мои настройки и установил новостной канал, который я никак не мог переключить. Так что оставалось лишь внимать рассказам о стихийных бедствиях вперемежку с докладами о выходках светских львов и львиц. Говорили даже про Спин.

К тому времени название прижилось.

Хотя в Спин по-прежнему почти никто не верил.

Это подтверждали социологические опросы. НАСА обнародовало данные со спутников в тот же вечер, когда Джейсон выложил новости нам с Дианой, а шквал европейских запусков подтвердил американские результаты. Всем было известно о спине уже восемь лет, но лишь немногие жители Европы и Северной Америки считали ее «угрозой для себя и своих семей». Абсолютное большинство населения Азии, Африки и Ближнего Востока списывало все на американский заговор или техногенную катастрофу: например, неудачную попытку создать что-то вроде стратегической оборонной системы.

Однажды я спросил у Джейсона, почему так. «Сам подумай, во что мы предлагаем поверить, – ответил он. – В глобальном смысле речь идет о людях с доньютоновскими представлениями об астрономии. Цель их жизни – собрать достаточно биомассы, чтобы выжить и прокормить семью. И

что им, спрашивается, нужно знать о Луне и звездах? Чтобы доходчиво объяснить им про Спин, нужно начинать с самых азов. Сперва придется растолковать, что Земле несколько миллиардов лет. Потом подождать, пока они переварят эту информацию и осознают – быть может, впервые в жизни, – что такое миллиард лет. Это не так-то просто, особенно если ты воспитан в духе мусульманской теократии, живешь в деревне, где исповедуют анимизм, или учился в средней школе Библейского пояса. Затем нужно объяснить, что Земля меняется, что в ее истории была эра подольше нашей, когда океаны состояли из пара, а воздух был ядовит. Рассказать, как спонтанно возникла жизнь, как в течение трех миллиардов лет живые существа развивались самым спорадическим образом, пока на планете не завелось что-то вроде человека. Теперь можно перейти к разговору о Солнце. О том, что оно тоже меняется, что сперва оно было сжимающимся облаком из газа и пыли, а однажды – через несколько миллиардов лет от сегодняшнего дня – расширится и поглотит Землю. А когда его внешняя оболочка окажется сорвана, оно сожмется в кроху сверхплотной материи, по размерам сопоставимую с Землей. Космология для «чайников», понял? Ты узнал все это еще в детстве, из любимых книжек в мягком переплете, для тебя это вторая натура, но для большинства людей это совершенно новый взгляд на мироздание и, вероятно, хула на их богов. Придется подождать, чтобы все улеглось у них в головах. Ну что, улеглось? Переходим к плохим

новостям. Само время нестабильно и непредсказуемо. Суровый мир выглядит так же, как всегда, – несмотря на все, что мы только что узнали, – но совсем недавно его поместили в космологический морозильник. Зачем это с нами сделали? Мы, честно говоря, не знаем. Думаем, что это было преднамеренное действие некой сущности, столь могущественной и недостижимой, что ее вполне можно назвать богом или богами. А если прогневить этих богов, они снимут с нас защиту и вскоре океаны закипят, а горы расплавятся. Но мы не просим поверить нам на слово – ведь солнце всходит и заходит, а когда наступает зима, в горах выпадает снег. Нет, говорим мы, у нас есть доказательства. Расчеты, логические умозаключения, снимки со спутников. Неопровержимые улики. – Джейсон улыбнулся, насмешливо и грустно. – Как ни странно, наши улики не произведут на присяжных ни малейшего впечатления».

И он говорил не только о невеждах. По радио выступал большой человек из индустрии страхования: жаловался на экономические последствия «беспрестанных и беспочвенных дискуссий о так называемом Спине». Говорил, что люди потихоньку к ним прислушиваются, принимают их всерьез, а это плохо для бизнеса. Граждане начинают вести себя опрометчиво и аморально, отсюда рост преступности, жизнь не по средствам и, что еще хуже, хаос в таблицах специалистов по страховой математике. «Если в ближайшие тридцать-сорок лет не наступит конец света, – вещал он, – мы окажемся

перед лицом катастрофы».

На западе посмурнело. Час спустя дивно-голубые небеса затянуло тучами и по ветровому стеклу застучал дождь. Я включил фары.

От страховых таблиц разговор перешел к теме недавних газетных заголовков: по ту сторону барьера, в сотнях миль над обоими полюсами Земли, зависли серебристые кубы размером с целые города. Никакого орбитального вращения. Предмет способен находиться на постоянной орбите над экватором – вспомним канувшие в Лету геосинхронные спутники, – но никак не над полюсом планеты. Это противоречит базовым законам физики. Однако серебристые штуковины были там, где были. Их обнаружили радиолокационные зонды, а позже сфотографировали АРУ. Еще одна загадка Спина, непостижимая для обывателя; на сей раз в числе невежд оказался и я. Мне хотелось поговорить об этом с Джейсоном. Вернее, хотелось, чтобы он объяснил мне все на пальцах.

* * *

Когда я наконец подъехал к летнему домику неподалеку от Стокбриджа, дождь лил как из ведра. По холмам раскатывался гром.

И Ди Лоутон арендовал пятикомнатный коттедж в стиле «английская деревня», расположенный на стоакровом участке лесного заповедника. Выкрашенный в изумрудно-зеле-

ный цвет, в сумерках домик светился как керосиновый штормовой фонарь. Джейсон был уже на месте: его белый «феррари» стоял под навесом, с которого капала вода.

Должно быть, Джейс услышал шум мотора: не успел я постучать, как он распахнул здоровенную дверь, осклабился и воскликнул:

– Тайлер!

Я вошел, поставил мокрую от дождя сумку на кафельный пол передней и сказал:

– Давненько не виделись.

Мы поддерживали связь по телефону и электронной почте, но, если не считать пары коротких встреч на праздниках в Казенном доме, оказались в одном помещении впервые за почти восемь лет. Скажу, что время коснулось и его, и меня – едва уловимо, но все же изменило привычные черты. Я уже забыл, как внушительно он выглядит. Джейсон всегда был рослый, всегда комфортно чувствовал себя в своем теле; таким он и остался, хотя мне показалось, что похудел. Не прутик, конечно; скорее черенок от лопаты, поставленный на попа, – не изящный, но прекрасно сбалансированный. Волосы подстрижены ровно и коротко, под шестерку. Джейсон ездил на «феррари», но стиля не выдерживал: на нем были рваные джинсы, вязаный свитер (растянутый, весь в катышках) и дешевые кеды.

– Поел по пути? – спросил он.

– Перекусил ближе к обеду.

– Есть хочешь?

Голоден я не был, но признался, что мечтаю о чашке кофе. За время учебы я пристрастился к кофеину.

– Считай, тебе повезло, – сказал Джейсон. – По дороге я как раз купил фунт гватемальского.

Гватемальцы, равнодушные к скорому концу света, продолжали выращивать кофе.

– Пойду поставлю кофейник, а потом покажу тебе дом.

Мы прогулялись по комнатам. На них лежала аляповатая печать двадцатого века – стены в желто-зеленых и темно-оранжевых тонах, прочная старинная мебель с гаражных распродаж, кровати с латунными спинками, тюлевые занавески. Оконные стекла заливал упрямый дождь. Кухня и гостиная оснащены по последнему слову техники: здоровенный телевизор, музыкальный центр, компьютер с роутером для выхода в интернет. На улице непогода, а в доме уютно. Вернувшись вниз, Джейсон разлил кофе по чашкам, мы уселись за кухонный стол и попробовали наверстать упущенное за восемь лет.

О работе Джейс говорил в самых общих чертах: то ли скромничал, то ли не имел права делиться секретами. После разоблачения истинной природы Спина он получил докторскую степень по астрофизике, но позже сменил карьеру ученого на младшую должность в «Фонде перигелия». Неглупый ход, если учесть, что И Ди стал влиятельным лицом в Специальном комитете по выходу из планетарного кризи-

са при администрации президента Уокера. По словам Джей-са, из научного центра авиакосмической промышленности фонд тихой сапой превращался в официальный консультативный орган с доброй мерой политического влияния.

– Это, вообще, законно? – спросил я.

– Тайлер, ну что за наивность? Эд уже дистанцировался от «Лоутон индастриз». Покинул совет директоров, передал свой пакет акций слепому трастовому фонду. Если верить нашим юристам, обвинение в конфликте интересов исключено.

– Так чем ты занимаешься в «Перигелии»?

– Внимательно прислушиваюсь к старшим товарищам, – улыбнулся он. – И даю вежливые советы. Лучше расскажи про медицинскую школу.

Он спросил, не противно ли иметь дело с людскими болезнями и слабостями. Я рассказал про семинар по анатомии, который у нас был на втором курсе. Мы, человек десять студентов, вскрыли труп человека и рассортировали его содержимое по цвету, весу, размеру и функциям. Занятие не из приятных; единственной его ценностью был наш практический опыт, а единственным нашим утешением – его безоговорочная истинность. Для меня тот семинар стал жизненной вехой, переходным моментом. После него от детства ничего не осталось. Оно закончилось навсегда.

– Господи, Тайлер. Может, тебе не кофе нужен, а что-то покрепче?

– Только не подумай, что это было экстраординарное событие. Ничего особенного. И это, пожалуй, неприятнее всего: закончил со вскрытием и свободен, можешь идти в кино.

– Да... Казенный дом остался в далеком прошлом.

– А мы проделали долгий путь. Мы оба. – Я поднял чашку.

Затем мы предались воспоминаниям, напряжение улетучилось, разговор встал на привычные рельсы и покатиł вперед: Джейсон называл какое-нибудь место – подвал, торговый центр, лесную речушку, – а я вспоминал связанную с ним историю. Например, как мы влезли в домашний бар; как застукали девчонку из школы Райса – как ее звали? ах да, Келли Вимс – за кражей презервативов «Троян» в аптечном пункте «Фармасейв»; как однажды летом Диана заставила нас слушать полные нежности отрывки из поэм Кристины Россетти и декламировала их с таким видом, словно прикоснулась к великой мудрости.

– Лужайка, – предложил Джейсон.

– Ночь, когда не стало звезд, – отозвался я.

Какое-то время мы сидели молча. Наконец я спросил:

– Так она приедет или нет?

– Еще не решила, – равнодушно ответил Джейсон. – Она зашивается с какими-то делами. Завтра должна позвонить, тогда и узнаем.

– Она до сих пор на юге?

Эти новости (последнее, что я слышал о Диане) передала мне мать. Диана поступила в какой-то южный колледж.

Не помню, на какой факультет: то ли городской географии, то ли океанографии, то ли еще какой-то бесперспективной «графии».

– Угу. До сих пор. – Джейсон поерзал на стуле. – Знаешь, Тай, в ее жизни многое изменилось.

– Неудивительно.

– Она почти помолвлена. Собирается замуж.

Я достойно принял удар:

– Ну что ж, рад за нее.

С чего бы мне ревновать? Наши отношения с Дианой давно закончились, да и не начинались никогда – в привычном смысле этого слова. К тому же в Стоуни-Брук я и сам чуть было не предложил руку и сердце студентке-второкурснице по имени Кэндис Бун. Нам нравилось говорить друг другу «люблю тебя», пока обоим не надоела эта фраза. По-моему, Кэндис она надоела первой.

И все же: почти помолвлена? Как это понимать?

Меня подмывало спросить, но Джейсона явно не устраивала тема разговора. Она разбередила память: однажды Джейсон привел в Казенный дом девушку, с которой по-встречался в школьном шахматном клубе. Симпатичную, но ничего особенного. Решил познакомить ее с семьей. Девушка так стеснялась, что почти все время молчала. Тем вечером Кэрол была относительно трезва, но И Ди всячески выражал свое неодобрение, откровенно грубил, а когда девушка ушла, набросился на Джейса: дескать, зачем тащишь в дом

всякую дрянь. К выдающемуся интеллекту, говорил И Ди, прилагается огромная ответственность. Он не хотел, чтобы Джейсона заманили в конвенциональный брак. Не желал видеть, как его гениальный сын «развешивает пеленки» вместо того, чтобы «оставить свой след в истории».

Другой на месте Джейсона перестал бы приводить девушек домой.

Джейсон просто перестал встречаться с девушками.

* * *

Следующим утром, когда я проснулся, в доме было пусто.

На кухонном столе лежала записка: Джейс уехал за продуктами для барбекю. «Буду к обеду или позже». Часы показывали 9:30. Ну и разоспался же я; должно быть, сказалась томная атмосфера летних каникул.

Казалось, ее генерировал сам дом. Вчерашняя гроза прошла, и приятный утренний ветерок играл ситцевыми занавесками. Солнечный свет подчеркивал все щербинки и царапины на кухонных столешницах. Я не спеша съел завтрак у окна, глядя, как облака величавыми шхунами уплывают за горизонт.

В начале одиннадцатого в дверь позвонили, и я на секунду растерялся – вдруг это Диана? Вдруг решила приехать с утра пораньше? – но оказалось, явился «ландшафтник Майк» в бандане и футболке с отрезанными рукавами. Он

предупредил, что собирается стричь траву, не хочет никого будить, но косилка – не самая тихая штука, так что если сейчас неудобно, он может заглянуть во второй половине дня. Нет-нет, вполне удобно, сказал я, и через несколько минут он разъезжал по периметру на стареньком зеленом «джоне дире», портившем воздух бензиновой вонью. Еще не до конца проснувшись, я задумался, как эти садовые работы выглядят в масштабах Вселенной. С космической точки зрения Земля почти застыла. Эти травинки проросли сквозь века, меняясь размеренно, неторопливо и величаво, под стать звездам. Майк – явление природы, рожденное пару миллиардов лет назад, – срезает их с безграничным и неумолимым терпением. Едва тронутые законом всемирного тяготения, скошенные травинки столетиями падают на плодородную землю, где обитают черви, древние, как Мафусаил, а тем временем где-то во Вселенной, быть может, расцветают и приходят в упадок целые империи.

Конечно, Джейсон прав: в такое трудно поверить. Даже нет, не «поверить», ведь человек способен верить во что угодно, а принять как фундаментальную истину мироздания. Я сидел на веранде, подальше от рокочущего «дира», дышал прохладным воздухом и подставлял лицо ласковому солнцу, хотя прекрасно знал, что этот фильтрованный свет исходит от Спина, взбесившейся звездной карусели, где за секунду транжируются целые столетия.

Быть такого не может. Но так оно и есть.

Я снова вспомнил медицинскую школу и занятие по анатомии, о котором рассказывал Джейсону. На нем была и Кэндис Бун – та самая девушка, которую я чуть не позвал замуж. Во время вскрытия она держала себя в руках, но после семинара ее прорвало. Человеческое тело, говорила она, – это сосуд для любви, ненависти, мужества, трусости, души... а не набор скользких красно-синих невообразимостей. Да, конечно. С нами так нельзя – нельзя вести в суровое будущее, как на убой.

Но так уж устроен мир, и с ним не поторгуешься. Именно это я и ответил Кэндис.

Она назвала меня бездушным. Но это, пожалуй, были самые мудрые слова, что я когда-либо произносил.

* * *

Утро шло своим чередом. Майк подровнял траву и уехал. В воздухе повисла влажная тишина. Через какое-то время я спохватился и позвонил маме в Вирджинию, где погода, по ее словам, была похуже, чем в Массачусетсе: небо по-прежнему затянуто тучами после вчерашней грозы; ветер свалил несколько деревьев и повредил линии электропередач. Я сказал, что без приключений добрался до летнего домика И Ди. Мать спросила, как поживает Джейсон, хотя, наверное, видела его во время одного из последних визитов в Казенный дом.

– Повзрослел, – ответил я. – А в остальном все тот же Джейс.

– Что говорит про Китай? Волнуется?

После Октябрьских событий мама подсела на новости. Смотрела Си-эн-эн не ради развлечения и даже не для того, чтобы быть в курсе последних событий: ей нужно было убедиться, что все нормально. Так мексиканский крестьянин поглядывает на ближайший вулкан, надеясь не увидеть дымка над его вершиной. Китайский вопрос застрял на стадии дипломатического кризиса, сказала она, хотя стороны уже побрякивают оружием. По поводу какого-то сомнительного предложения насчет запуска спутников. «Поспрашивай у Джейсона».

– Что, И Ди наплел тебе страшилок?

– От него дождешься... Хотя Кэрл иной раз подкидывает факт-другой.

– Даже не знаю, стоит ли ей верить.

– Брось, Тай. Да, она пьет, но она не дура. А я – тем более.

– Я ничего такого не имел в виду.

– Почти все новости про Джейсона и Диану я теперь узнаю от Кэрл.

– Кстати, она не говорила, собирается ли Диана в Беркширы? Джейсон отказывается отвечать напрямую.

Мать, помолчав, сказала:

– Дело, наверное, в том, что уже пару лет Диана ведет себя слегка непредсказуемо.

– Непредсказуемо? Поясни, пожалуйста.

– Ну... С учебой не ладится. Мелкие неприятности с законом...

– Чего-чего? С законом?

– Нет, она не ограбила банк, ничего такого. Но ее пару раз забирали, когда собрания НЦ выходили из-под контроля.

– Какого черта она забыла на собраниях НЦ?!

Очередная пауза.

– Лучше спроси об этом у Джейсона.

Так и сделаю.

Мать закашлялась. Я представил, как она прикрывает трубку рукой и вежливо отворачивается в сторону, и спросил:

– Как самочувствие?

– Устала.

– Есть новости от врача?

Ее лечили от анемии. Пригоршнями железосодержащих таблеток.

– Нет. Просто старею, Тай. Рано или поздно все стареют... Наверное, пора мне на пенсию, – добавила она. – Если мое занятие вообще можно назвать работой. Теперь, когда близнецы разъехались, в доме только Кэрол и Эд. Да и его почти не бывает – с тех пор, как завертели дела в Вашингтоне.

– Ты уже сказала, что собираешься уйти?

– Пока нет.

– Не представляю Казенный дом без тебя.

– Знаешь, он у меня уже поперек горла стоит. – Она грустно усмехнулась. – Хватит с меня, большое спасибо.

Но с тех пор она не заводила речь об увольнении. Думаю, это Кэрол уговорила ее остаться.

* * *

Ближе к вечеру в переднюю вошел Джейс.

Его безразмерные джинсы висели на бедрах, словно паруса заштилеванного корабля, а футболку испятнали брызги соуса.

– Тай, поможешь мне с барбекю?

Я вышел с ним на задний двор и увидел стандартный газовый гриль. Раньше Джейс таким не пользовался. Он открыл задвижку, нажал кнопку поджига и вздрогнул, когда расцвело пламя. Затем усмехнулся:

– У нас стейки. И салат «Три фасоли» из кулинарии.

– И ни единого комара, – добавил я.

– Весной здесь все опрыскали инсектицидом. Есть хочешь?

Я проголодался. Хоть и продремал всю вторую половину дня, но как-то умудрился нагулять аппетит.

– Готовим на двоих или на троих?

– Диана пока не звонила и вряд ли позвонит до вечера. Так что ужинать будем вдвоем.

– Если только китайцы не сбросят на нас атомную бомбу.

Это была наживка, и Джейсон ее заглотил.

– Тебя китайцы волнуют? Китайцы, Тай? Забудь, кризис уже позади. Все разрешилось.

– Прямо бальзам на душу. – Выходит, утром я узнал о кризисе, а вечером – о том, что кризиса больше нет. – Мама услышала что-то в новостях, вот и завела разговор о китайцах.

– Их вояки хотят взорвать полярные артефакты. В Цзюцюане готовы к запуску ракеты с ядерными боеголовками. Считается, что если повредить полярные устройства, то исчезнет весь Октябрьский щит. Само собой, это пустое предположение. Какова вероятность, что технология, способная управлять временем и гравитацией, окажется уязвима для нашего оружия?

– То есть мы припугнули китайцев, и они пошли на попятную?

– Да. Слегка припугнули, но и пряник показали. Предложили им места на борту.

– Не понял.

– Возьмем их в наш скромный проект по спасению мира.

– Джейс, вот сейчас ты меня слегка пугаешь.

– Дай-ка вон те щипцы. Прости. Понимаю, что это звучит загадочно. Вообще-то, мне нельзя говорить о таких вещах. Ни с кем.

– Но для меня ты сделаешь исключение?

– Для тебя я всегда сделаю исключение. – Он улыбнулся. –

Побеседуем за ужином.

Я ушел, а он остался жариться у гриля. Дым окутывал его, будто саван.

* * *

Пресса бранила двух последних президентов США: дескать, «ничего не делают» по поводу Спина. Но критика эта была беззубой. Даже если допустить, что в нынешней ситуации имелись варианты продуктивных действий, никто о них не знал, а любые агрессивные меры (вроде тех, что предложили китайцы) могли оказаться чрезмерно рискованными.

«Фонд перигелия» предлагал радикально иной подход.

– Вот тебе ключевая метафора, – говорил Джейс. – Не драка, а дзюдо. Использование инерции и веса более крупного противника ему во вред. Именно это мы и хотим повернуть со Спином.

Он бросал лаконичные фразы, нарезая стейк с сосредоточенностью хирурга. Мы уселись за стол на кухне, а заднюю дверь оставили открытой. В москитную сетку бился здоровенный желтый шмель, похожий на летающий клубок шерстяной пряжи.

– Попробуй представить, что Спин – это не угроза, а возможность, – говорил он.

– Возможность чего? Преждевременной смерти?

– Первая в истории возможность использовать время в

собственных целях.

– Время? Его-то у нас и отняли!

– Наоборот. Если выйти за пределы скромного земного пузырька, в нашем распоряжении окажутся миллионы лет. И у нас есть инструмент, подтверждавший свою исключительную надежность те же миллионы лет.

– Инструмент? – переспросил я.

Джейс подцепил вилкой очередной ломтик говядины. Ужин был что надо. На тарелке стейк, рядом бутылка пива. Никаких излишеств, не считая фасолевого салата, которому Джейс оказывал умеренные знаки внимания.

– Да, инструмент, и очевидный. Эволюция.

– Эволюция.

– Тайлер, если ты так и будешь в ответ повторять мои слова, разговора у нас не получится.

– Хорошо, эволюция как инструмент... Все равно не понимаю, как мы умудримся заметно эволюционировать за тридцать-сорок лет.

– Господи, речь не о нас. И разумеется, не о тридцати-сорока годах. Я говорю о простейших формах жизни. О нескольких зонах. Я говорю о Марсе.

– О Марсе.

Ой.

– Не тупи. Подумай.

С практической точки зрения Марс – мертвая планета, даже если когда-то на нем были предпосылки для возникно-

вения жизни. За пределами Спина Марс «развивался» уже много миллионов лет, греясь в лучах растущего Солнца. Судя по последним фотографиям со спутников, он оставался сухой и безжизненной планетой. Будь на нем простейшие формы жизни и подходящий климат, он – в моем понимании – уже превратился бы в буйные зеленые джунгли. Но этого не произошло, потому что на Марсе не имелось ни того ни другого.

– Терраформирование. Раньше этот термин был на слуху, – сказал Джейсон. – Помнишь те спекулятивные романы, что ты когда-то читал?

– И до сих пор читаю, Джейс.

– Тем лучше. Что скажешь насчет терраформирования Марса?

– Нужно напитать атмосферу парниковыми газами, чтобы она согрелась и растопила замороженную воду. Засеять планету простейшими организмами. Но даже по самым смелым подсчетам этот процесс займет...

Он улыбнулся.

– Ты прикалываешься, – сказал я.

– Нет. – Улыбка угасла. – Вовсе нет. Я говорю вполне серьезно.

– Да с чего вообще начать?..

– С серии одновременных запусков с грузом специально созданных бактерий. Простые ионные двигатели, неспешный полет к Марсу. По большей части управляемые жесткие

посадки – одноклеточные их переживут, – а затем несколько грузов посерьезнее: мощные бомбы, чтобы доставить эти же организмы под поверхность планеты – туда, где, по нашим предположениям, имеется вода. Чтобы подстраховаться, проведем множество запусков с целым спектром подходящих организмов. Смысл в том, чтобы вывести органическую деятельность на нужный уровень, после чего углерод высвободится из коры и планета выдохнет его в атмосферу. Это несколько миллионов лет. По нашим меркам – несколько месяцев. Далее смотрим, что получилось. Если видим, что на Марсе потеплело, плотность атмосферы возросла, а кое-где появились грязевые лужицы, повторяем весь цикл, на сей раз – с многоклеточными растениями, разработанными для марсианских условий. В атмосферу начнет поступать кислород, а давление, быть может, возрастет еще на пару миллибар. Повторяем по мере необходимости. Добавляем еще несколько миллионов лет, размещиваем хорошенько и через приемлемый промежуток времени – конечно, по нашим часам – имеем все шансы состряпать планету, пригодную для жизни.

У меня перехватило дух. Я чувствовал себя закадычным другом главного героя викторианской детективной новеллы. «Разработанный им план был дерзок до неприличия, но я, сколько ни силился, не умел найти в нем ни единого изъяна!» Но один изъян все же был, причем фундаментальный. – Джейсон, – сказал я, – даже если это реализуемо, нам-

то что с того?

– Если Марс станет пригоден для жизни, люди смогут на него перебраться.

– Все семь или восемь миллиардов?

– Вряд ли, – фыркнул он. – Нет, несколько первопроходцев. Племенное поголовье, если говорить по-врачебному бесстрастно.

– И что они будут там делать?

– Жить, давать потомство и умирать. Миллионы поколений за каждый земной год.

– Но зачем?

– Хотя бы затем, чтобы у рода человеческого появился второй шанс в Солнечной системе. А при наилучшем раскладе у марсиан будут все наши знания плюс несколько миллионов лет, чтобы нас превзойти. Внутри Спина некогда выяснять, кто такие эти гипотетики и зачем они так с нами поступили. Но у наших марсианских наследников будет достаточно времени подумать за нас.

Или повоевать за нас?

(Так, между прочим, я впервые услышал слово «гипотетики» – гипотетические разумные создания, сокрытые от человеческого глаза, заточившие нас во временной склеп. Широкое распространение этот термин получил лишь через несколько лет. А лучше бы не получал вовсе. Слишком нейтральное название, предполагающее нечто абстрактное, холодное и беспристрастное. Я подозревал, что истина далеко

не так проста.)

– И что, – спросил я, – у этой затеи уже есть реальный план?

– О да. – Джейсон отодвинул тарелку с недоеденным стейком. – И даже стоимость вполне подъемная. Единственная сложность заключается в разработке максимально выносливых одноклеточных организмов. На Марсе холодно и сухо, атмосфера фактически отсутствует, Солнце ежедневно стерилизует поверхность планеты своим излучением. Но даже в такой ситуации у нас остается уйма экстремофилов: например, бактерии, живущие на антарктических скалах или в отработавшем ядерном топливе. А все остальное – проверенная технология. Мы умеем запускать ракеты и знаем, что такое эволюция органического мира. Единственное, что для нас в новинку, – это плоскость применения, где мы получаем долгосрочные результаты практически мгновенно, через несколько дней или месяцев после старта проекта. Это... некоторые называют это телеологической инженерией.

– То есть почти то же самое, чем занимаются гипотетики. – Я попробовал новое слово на вкус.

– Верно.

Вскинув брови, Джейсон взглянул на меня – удивленно, с уважением, – и я, давно уже не ребенок, был польщен.

– Пожалуй, отчасти это так, – добавил он.

В книжке о первой высадке человека на Луну (напомню, это произошло в 1969 году) я однажды вычитал занятную подробность: в те времена пожилые люди – мужчины и женщины, родившиеся в девятнадцатом веке и помнившие, каким был мир без автомобилей и телевидения, – крайне неохотно верили новостям. В детстве, услышав фразу «сегодня двое прогулялись по Луне», они решили бы, что это зачин сказки; теперь же информацию преподносили как непреложный факт, и люди не могли принять ее, ибо истина противоречила их понятиям о рациональном и абсурдном.

Теперь настал мой черед.

Мой друг Джейсон говорил о терраформировании и колонизации Марса, и он не бредил, а если бредил, то не сильнее десятка власть имущих интеллектуалов, по всей видимости разделявших его убеждения. То есть, кроме шуток, вопрос уже решается на некоем бюрократическом уровне.

После ужина, пока еще не совсем стемнело, я вышел прогуляться по территории.

Ландшафтник Майк потрудился на славу. Идеально подстриженный газон, улада для глаз перфекциониста, сверкал первозданной зеленью. Лесополоса за ним утопала в тених. В таком освещении Диане полюбились бы эти заросли, думал я и вспоминал, как она давным-давно читала нам вслух во

время летних посиделок на берегу речушки. Однажды, когда речь зашла про Спин, Диана процитировала стишок английского поэта Альфреда Эдварда Хаусмана:

Злой медведь по лесу топал,
По пути младенца слопал.
А младенец знать не знал,
Что его медведь сожрал.

Когда я открыл заднюю дверь и вошел на кухню, Джейсон говорил по телефону. Он взглянул на меня, отвернулся и понизил голос:

– Нет. Если других вариантов нет, то да, но... Нет, я понимаю. Да, ладно. Я же только что сказал: ладно. В смысле, что это значит? Это значит «ладно».

– Диана звонила? – спросил я, когда он сунул телефон в карман.

Он кивнул.

– Приедет?

– Приедет. Но пока ее здесь нет, хочу прояснить пару моментов. Наш разговор за ужином... Об этом ей знать не следует. Ни ей, ни кому-то еще. Это закрытая информация.

– То есть секретная?

– С формальной точки зрения, пожалуй, да.

– Но со мной ты решил поделиться.

– Да. И это федеральное преступление. – Он улыбнулся. – Но его совершил я, а не ты. И я верю, что ты не проболтаешь-

ся. Потерпи немного. Через пару месяцев обо всем растреляют по Си-эн-эн. Кроме того, Тай, в моих планах есть место и для тебя. В ближайшее время фонд начнет подбирать кандидатов в колонизаторы весьма непростой территории. Для медицинских осмотров нам понадобятся всевозможные врачи. Скажи, ведь здорово будет поработать вместе? Может, приедешь?

– Джейс, у меня за душой ничего, кроме диплома, – оторопел я. – Сперва нужно пройти резидентуру.

– Всему свое время.

– Значит, ты не доверяешь Диане?

– Честно говоря, нет. – Улыбка сошла с его лица. – Больше не доверяю.

– Когда она приедет?

– Завтра. В первой половине дня.

– И что ты недоговариваешь?

– Она приедет не одна, а со своим парнем.

– Это плохо?

– Сам посмотришь.

Все меняется

Проснувшись, я понял, что не готов ее увидеть. Открыл глаза в роскошном летнем домике И Ди Лоутона в Беркширах, взглянул на солнце сквозь кружевную филигрань занавесок и подумал: «Хватит с меня этого бреда». Я от него устал. От всего этого своекорыстного дерьма последних восьми лет, не исключая моей интрижки с Кэндис Бун – девушкой, раньше меня сообразившей, что я выдаю желаемое за действительное. «Ты слегка заиклился на этих Лоутонах», – сказала однажды она. Да неужели?!

Я не мог с полной уверенностью сказать, что до сих пор влюблен в Диану. Наши отношения никогда не достигали такой ясности. Мы то сходились, то расходились, подобно двум лозам, выющим по шпалере, но в лучшие моменты между нами рождалась настоящая духовная связь, ощущение столь серьезное и зрелое, что я его даже побаивался. Вот почему я так тщательно скрывал свои чувства. Думаю, Диане тоже стало бы не по себе.

Я до сих пор вел с ней воображаемые беседы – как правило, поздней ночью. Реплики в зал, где моим зрителем было лишь беззвездное небо. Я тосковал по Диане, – пожалуй, из чистого эгоизма, – но умом понимал, что на самом деле мы никогда не были вместе. Я был совершенно готов о ней забыть.

И не был готов встретиться с ней снова.

* * *

Когда я стряпал себе завтрак, Джейсон сидел на кухне. Он приоткрыл дверь, и по дому гулял приятный ветерок. Я же всерьез подумывал о том, чтобы бросить чемодан в багажник «хендэ» и уехать куда подальше.

– Расскажи про это НЦ, – попросил я.

– Ты совсем газет не читаешь? – осведомился Джейсон. – В Стоуни-Брук студентов-медиков изолируют от внешнего мира.

Разумеется, я кое-что знал, по большей части из новостей или разговоров в столовой. Знал, что НЦ означает «Новое Царствие». Знал, что это христианское движение, возникшее после Октябрьских событий, – по крайней мере, формально христианское, хотя и мейнстримные, и консервативные церкви от него открестились. Знал, что «Новое Царствие» привлекает в основном молодежь, недовольную порядком вещей. На первом курсе несколько моих однокашников бросили учебу и перешли под крыло НЦ: сменяли ухабистую академическую карьеру на менее утомительный путь к просвещению.

– На самом деле это всего лишь миллениаристское движение, – сказал Джейс. – К миллениуму опоздали, зато теперь, когда на носу конец света, как раз успели.

– Другими словами, секта?

– Нет, не совсем. «Новое Царствие» – популярное название всего спектра христианских гедонистов, так что это не секта, хотя в рамках движения существует что-то вроде сект. У них нет ни единого лидера, ни Священного Писания, если не считать трудов некоторых псевдотеологов, тем или иным боком связанных с НЦ, – Эс Ар Рателя, Лоры Грингейдж и им подобных...

Я видел их книжки на полках драгсторов. Теология Спины, вопросительные названия: «Мы узрели второе пришествие?» или «Переживем ли мы конец света?».

– ...и никакой внятной повестки, разве что коммунизм по выходным. Но людей привлекает не теология. Видел записи собраний НЦ? Тех, что они называют «экстазис»?

Видел. И, в отличие от Джейса (тот всегда сторонился плотской тематики), понимал их притягательность. Однажды мне попалась видеозапись с прошлогодней сходки в национальном парке «Каскейдс»: нечто среднее между баптистским пикником и концертом «Грейтфул дэд». Залитая солнцем лужайка, полевые цветы, ритуальные белые одежды, парень – сплошные мускулы, ни капли жира – трубит в шофар. К ночи запылал костер, появилась сцена для музыкантов, а чуть позже ритуальные одежды упали на траву и начались танцы, местами переходящие в более интимное общение.

Центральные СМИ рассказывали о подобных мероприя-

тиях с демонстративным омерзением, но я не видел в них ничего, кроме невинной детской непосредственности. Никаких проповедей, лишь несколько сотен паломников, смеющихся в лицо верной смерти и любящих ближнего своего всеми доступными способами. Накатанная на множество дисков, эта запись ходила по рукам во всех студенческих общежитиях США, и Стоуни-Брук – не исключение. Не нашлось бы полового акта достаточно пуританского, чтобы будущий медик, заскучав, отказался бы на него передернуть.

– Даже не верится, что Диану привлекли идеи НЦ.

– Напротив. Диана входит в их целевую аудиторию. Она до смерти боится Спина и его последствий для нашего мира. Для таких, как она, «Новое Царствие» – это болеутоляющее. Благодаря НЦ их самый страшный кошмар превращается в объект поклонения: врата, ведущие в Царствие Небесное.

– И давно она этим увлекается?

– Почти год. С тех пор, как познакомилась с Саймоном Таунсендом.

– Он состоит в НЦ?

– Он, к несчастью, воплощение НЦ до мозга костей. Отпетый фанатик.

– Ты видел этого Саймона?

– Диана привозила его в Казенный дом на прошлое Рождество. По-моему, ей хотелось посмотреть фейерверки. Эд, конечно, не одобряет их отношений. Был настроен враждебно и даже не пытался этого скрыть. – Тут Джейсон помор-

щился: наверное, вспомнил какую-то особенно яркую выходку И Ди Лоутона. – Но Саймон с Дианой соблюдали кодекс НЦ: подставляли другую щеку. Чуть не заулыбали его до смерти. В буквальном смысле. Еще один ласковый всепрощающий взгляд, и Эд загремел бы в кардиоцентр.

Очко в пользу Саймона, подумал я.

– Ну и как он? Хорошая пара для Дианы?

– Он именно тот, кого она желает видеть рядом. И абсолютно не тот, кто ей нужен.

* * *

Они явились после обеда. Чихая и фыркая, на подъездную дорожку свернул семейный пятнадцатилетний драндулет. Топлива он, наверное, сжигал побольше, чем агрегат ландшафтника Майка. За рулем была Диана. Припарковавшись правым боком к нам, она выбралась с водительского сиденья, но ее скрывал багажник на крыше. Саймон же предстал перед нами во всей красе и застенчиво улыбнулся.

Парень был симпатичный. Шесть футов, а то и больше; толстый, но не слабак; простая физиономия, чуть похожая на лошадиную морду, обрамлена буйной золотисто-соломенной шевелюрой. Улыбка являла миру щербинку между верхними резцами. На нем были джинсы и клетчатая рубашка; левый бицепс, словно медицинским жгутом, перехвачен синим платком. Позже я узнал, что такая повязка свидетельствует

о принадлежности к НЦ.

Диана обошла машину и встала рядом с ним. Теперь нам с Джейсоном улыбались двое. Диана тоже вырядилась по последней моде НЦ: васильково-синяя юбка до земли, голубая блузка и нелепая черная шляпа с широкими полями, как у амишей. Но наряд ей шел; вернее, делал ее весьма привлекательной, предполагая крепкое здоровье и сеновальную чувственность. Диана лучилось жизнью, словно несорванная ягодка. Прикрыв глаза от солнца, она улыбнулась – хотелось бы верить, что лично мне. Господи, ну и улыбка! Искренняя и хулиганская одновременно.

Мне поплохело.

У Джейсона завибрировал телефон. Вынув его из кармана, он взглянул на экран и шепнул:

– Нужно ответить.

– Не бросай меня, Джейс.

– Я отойду на кухню и тут же вернусь.

Он скрылся в доме в тот момент, когда Саймон шагнул вперед, шлепнул здоровенным вещмешком о дощатый пол крыльца и воскликнул:

– Ты, наверное, Тайлер Дюпре!

Он сунул мне руку – я стиснул ее. У него было крепкое рукопожатие и медовый южный акцент: гласные гладкие, как полированное дерево, согласные солидные, как визитные карточки. В его устах моя фамилия прозвучала по-каджунски, хотя наша семья никогда не забиралась южнее

Миллинокета. Из-за спины у него выскочила Диана, завопила «Тайлер!» и стиснула меня в яростных объятиях. Лицо мое вдруг затерялось у нее в волосах, и пахло от нее солнцем и солью.

Наконец мы разошлись на пристойное расстояние вытянутой руки.

– Тайлер, Тайлер, – приговаривала она, словно я был не я, а нечто экстраординарное. – Столько лет прошло, а ты как новенький!

– Восемь, – оцепенело вымолвил я. – Восемь лет.

– Ух ты! Неужели так много?

Я помог им затащить багаж в дом, проводил в гостиную и умчался к Джейсону. Тот был на кухне и по-прежнему висел на телефоне. Когда я вошел, он стоял ко мне спиной и говорил напряженно:

– Нет. Нет... Даже Госдепартамент?

Я застыл как вкопанный. Государственный департамент? Ни хрена себе!

– Могу приехать через пару часов, если... а, понятно. Хорошо. Нет, все в порядке. Но держите меня в курсе. Ладно. Спасибо.

Он убрал телефон в карман и заметил, что я стою рядом.

– С Эдом говорил?

– Нет, с его помощником.

– Все нормально?

– Брось, Тай, я же не могу выложить тебе все секреты до

единого. – Он попробовал улыбнуться, но без особенного успеха. – Жаль, что ты слышал этот разговор.

– Я слышал лишь, что ты собрался вернуться в округ Колумбия и бросить меня наедине с Дианой и Саймоном.

– Ну... Допустим, у меня нет выбора. Китайцы заартачились.

– Заартачились? То есть?

– Не желают полностью отказываться от запланированного запуска. Хотят оставить этот вариант открытым.

Он имел в виду ядерный удар по артефактам Спина.

– Предположу, что сейчас их пытаются переубедить?

– Ведется дипломатическая работа, но успешной ее не назовешь. Похоже, переговоры зашли в тупик.

– Значит... Ох, блин, Джейс! Что будет, если они запустят ракеты?

– А будет вот что. Мощные термоядерные боеголовки взорвутся в непосредственной близости от неизвестных устройств, связанных со Спином. Что касается последствий... вопрос, конечно, интересный. Но ничего пока не случилось. И вероятно, не случится.

– Это же будет конец света, или конец Спина...

– Давай-ка потише. Не принимай близко к сердцу. И не забывай, что у нас гости. План у китайцев необдуманный и, скорее всего, бессмысленный, но, даже если они не остановятся, вряд ли дело кончится планетарным самоубийством. Кем бы ни были гипотетики, они наверняка знают, как защи-

тить себя, не уничтожив при этом нас. И совсем не факт, что карусель Спина крутится благодаря полярным артефактам. Не исключено, что это лишь платформы для пассивного наблюдения, устройства связи или просто-напросто обманки.

– Если китайцы все же решатся на запуск, – сказал я, – когда нас предупредят?

– Смотря кого ты имеешь в виду под словом «нас». Общественность, по всей видимости, узнает об этом, только когда все закончится.

В этот момент я потихоньку начал понимать, что Джейсон не просто подручный своего отца, что он уже кует собственные связи в высоких кабинетах. Позже мне станет известно многое о «Фонде перигелия» и работе Джейсона, но пока эта часть его жизни тонула во мраке. Даже в детстве у Джейса была вторая жизнь, будто скрытая его тенью: вне Казенного дома он, вундеркинд-математик, щелкал программу элитной частной школы с легкостью чемпиона «Мастерс», играющего на поле для мини-гольфа; дома же он был просто Джейс, и мы старались сохранить такой порядок вещей.

Так все и осталось, но нынешний Джейсон отбрасывал тень более внушительных размеров. Теперь ему не нужно было производить впечатление на педагогов по исчислению. Теперь он готовил стартовую площадку для влияния на ход человеческой истории.

– Если это произойдет, – добавил он, – меня предупредят с небольшим запасом. То есть нас с тобой предупредят. Но

я не хочу, чтобы об этом тревожилась Диана и, само собой, Саймон.

– Отлично. Просто выкину мысли о конце света из головы.

– Никакого конца света не будет. Пока что ничего не произошло. Тайлер, успокойся. Если нечем заняться, налей всем выпить.

Эти слова были сказаны самым беспечным тоном, но когда Джейсон доставал из кухонного шкафа четыре бокала, руки его дрожали.

Я мог бы уйти. Мог бы выскочить за дверь, прыгнуть в свой «хендэ» и отъехать на приличное расстояние, прежде чем меня хватились бы. Я представлял, как в гостиной Саймон с Дианой практикуют хиппейское христианство, а на кухне Джейс принимает сводки Судного дня, и задавался вопросом: неужели я хочу провести последнюю ночь на Земле именно так, с этими людьми?

И отвечал себе: ну а с кем еще? С кем?

* * *

– Мы познакомились в Атланте, – рассказывала Диана. – В Университете Джорджии проходил семинар по духовным альтернативам. Саймон приехал послушать лекцию Рателя, а я заметила его в столовой студгородка. Он сидел один, читал книжку «Второе пришествие», я тоже была одна, так что поставила свой поднос на его столик, и мы разговорились.

Саймон с Дианой устроились на желтом плюшевом диване у окна. От дивана пахло пылью. Диана прильнула к подлокотнику, а Саймон сидел совершенно прямо и был насто-роже. Его улыбка действовала мне на нервы. Он только и делал, что улыбался.

Мы четверо потягивали напитки, шторы колыхались на ветру, за окном слепень ворчал на москитную сетку. Непросто поддерживать беседу, когда у тебя столько запретных тем. Я попробовал скопировать улыбку Саймона:

– Значит, ты студент?

– Бывший, – ответил он.

– Чем сейчас занимаешься?

– Путешествую. В основном.

– Саймон может позволить себе такой образ жизни, – ухмыльнулся Джейс. – Он трудится наследником.

– Не груби. – Слова Дианы прозвучали жестко, как предупреждение. – Хотя бы сегодня, Джейс, хорошо?

– Ладно тебе, – отмахнулся Саймон, – это же правда. У меня появились свободные деньги. Мы с Дианой, пользуясь случаем, решили покататься по стране.

– Его дед, Огастес Таунсенд, был в Джорджии королем ершиков для чистки курительных трубок, – пояснил Джейсон.

Диана закатила глаза. По-прежнему невозмутимый (должно быть, святой), Саймон сказал:

– Ну, это было давно. Их уже не принято называть ершиками. Теперь они «аксессуары для ухода за трубкой». – Он

рассмеялся. — А перед вами наследник состояния, сколоченного на таких аксессуарах.

Вообще-то, как позже рассказала Диана, дед Саймона сколотил состояние на безделушках. Огастес Таунсенд начал с ершиков, но настоящие деньги заработал на поставках штампованных оловянных игрушек, чарм-браслетов и пластмассовых расчесок в магазины дешевых товаров по всему югу. В сороковые годы в светских кругах Атланты его семью считали весьма влиятельной.

— Что касается Саймона, — не отставал Джейсон, — он не стремится построить карьеру в нашем понимании этого слова. Он вольная птица.

— Не думаю, что бывают по-настоящему вольные птицы, но соглашусь: у меня нет ни профессии, ни желания ее приобрести. Мне не нужен успех. Вы скажете, это слова лодыря. Так я и есть лодырь. Это мой главный порок. Но я задаюсь вопросом: есть ли смысл строить карьеру? С учетом нынешнего положения вещей. Без обид. — Саймон повернулся ко мне. — Тайлер, ты же врач?

— Только что получил диплом, — ответил я. — Что касается работы...

— Нет-нет. По-моему, быть врачом очень здорово. Пожалуй, это самая нужная профессия на планете.

Джейсон фактически обвинил Саймона в бесполезности. Саймон ответил, что все профессии бесполезны... за исключением таких, как моя. Выпад парирован. Все равно что

смотреть, как в баре дерутся две балерины на пуантах.

Так или иначе, оказалось, что я болею за Джейсона, оскорбленного не философией Саймона, а самим его присутствием. Предполагалось, что в Беркширах наша троица – я, Джейс и Диана – наконец воссоединится; мы вернемся в зону комфорта, вспомним детство. Вместо этого мы оказались в одной клетке с Саймоном, а Джейсон, по всей видимости, считал его человеком совершенно лишним: кем-то вроде Йоко Оно в южном кляре.

Я спросил у Дианы, как давно они путешествуют.

– С неделю, – ответила она, – но собираемся колесить по стране все лето. Джейсон наверняка рассказывал тебе о «Новом Царствии». Знаешь, Тай, это просто чудо что такое! Благодаря интернету у нас повсюду друзья – люди, к которым можно завалиться на день-другой. Вот мы и решили проехаться по собраниям и концертам от Мэна до Орегона, с июля до конца октября.

– Хоть на жилье сэкономите, – съязвил Джейсон. – Да и на одежду тратиться не придется.

– Чтоб ты знал, экстазис – необязательная часть собраний, – съязвила Диана в ответ.

– А может, у нас вообще ничего не получится, если старушка развалится на части, – добавил Саймон. – Двигатель барахлит. Пропуски зажигания в цилиндрах, и расход огромный. Из меня, к несчастью, никудышный механик. Тайлер, ты не разбираешься в двигателях?

– В общих чертах.

Я понял, что он предлагает выйти во двор, чтобы Диана наедине с братом попробовала договориться о прекращении огня.

– Пойдем посмотрим.

Было еще светло. С изумрудного газона на подъездную дорожку накатывали волны теплого воздуха. Саймон открыл капот «форда» и стал перечислять проблемы; я слушал, но, признаться, краем уха. Если Саймон такой богач, что же не купит машину получше? Быть может, состояние уже успели промотать или все деньги лежат в трастовых фондах?

– Наверное, я выгляжу очень глупо, – сказал Саймон. – Особенно в нынешней компании. Никогда не разбирался ни в науке, ни в технике.

– Я тоже не специалист. Даже если кое-как наладим твой мотор, нужно показать машину настоящему механику, а потом уже колесить по стране.

– Спасибо за ценный совет, Тайлер.

Я осматривал двигатель, а Саймон завороченно пялился на меня во все глаза.

Скорее всего, виной всему были свечи зажигания. Я спросил у Саймона, меняли ли их когда-нибудь. «Насколько мне известно, нет», – ответил он. И это за шестьдесят с лишним тысяч миль пробега. Я притащил из своей машины набор инструментов, вытащил свечу и показал ее Саймону:

– Вот в чем основная проблема.

– В этой штуковине?

– И ее приятелях. Заменить их совсем недорого. Это хорошие новости, но есть и плохие: пока не заменим, за руль лучше не садиться.

Саймон хмыкнул.

– Если готов подождать до утра, съездим в город на моей машине и купим новый комплект.

– Да, конечно. Очень мило с твоей стороны. Мы и не собирались сегодня уезжать. Если только Джейсон не будет настаивать на обратном.

– Джейсон успокоится. Он просто...

– Ты не обязан ничего объяснять. Джейсон предпочел бы, чтобы меня здесь не было. Я все понимаю. Меня это не удивляет. Просто Диана решила, что не может принять приглашение, адресованное ей одной.

– Что ж... Диана молодец.

Наверное.

– Но я запросто снял бы комнату где-нибудь в городе.

– Это лишнее.

Я сам себе поражался: как вышло, что я уговариваю Саймона Таунсенда остаться? Не знаю, чего я ожидал от этой встречи с Дианой, но своим присутствием Саймон абортировал зародыш любой надежды. Пожалуй, к лучшему.

– Предположу, Джейсон рассказывал тебе про «Новое Царствие», – предположил Саймон. – Для нас это предмет разногласий.

– Он говорил, что вы с Дианой как-то связаны с НЦ.

– Я не собираюсь тебя агитировать. Но если у тебя есть тревоги насчет «Нового Царствия», не исключено, что смогу их унять.

– Про НЦ мне известно лишь то, что показывают по телевизору, Саймон.

– Некоторые называют наше движение христианским гедонизмом. Я же предпочитаю «Новое Царствие»: вся суть в двух словах, коротко и ясно. Живи так, словно тысячелетнее царствование Христа уже наступило, здесь и сейчас. Пусть последнее поколение будет столь же беззаботным, как самое первое.

– Угу. Джейс, скажем так, не слишком терпим к религии.

– Твоя правда, но знаешь что, Тайлер? По-моему, его расстраивает вовсе не религиозный аспект.

– Нет?

– Нет. Скажу от всего сердца: я восхищаюсь Джейсоном Лоутоном, и не только потому, что он чрезвычайно умен. Он один из сведущих людей, знатоков, кладезь премудрости, если простишь мне такое выражение. Он относится к Спину крайне серьезно. Сколько на планете людей, восемь миллиардов? Практически каждая живая душа знает, что с неба исчезли Луна и звезды, и это как минимум. Но все эти люди живут в отрицании. Лишь немногие из нас по-настоящему верят в Спин. Но НЦ принимает его всерьез. Как и Джейсон.

Эта тирада так походила на монологи Джейсона, что я ото-

ропел.

– Ну... Вы верите в Спин по-разному.

– В том-то и проблема. Две точки зрения сражаются за господство в умах человеческих. Уже скоро людям придется заглянуть в глаза реальности, хотя бы они того или нет. Придется выбрать одну из двух позиций: научную или духовную. Джейсон встревожен, ведь в вопросах жизни и смерти всегда побеждает вера. Вот ты, Тайлер, где бы ты предпочел провести вечность? В земном раю или в стерильной лаборатории?

В отличие от Саймона, я не мог дать однозначного ответа на этот вопрос, поэтому вспомнил, как в подобной ситуации отшутился Марк Твен: «В раю климат получше, а в аду общество поприятнее».

* * *

В доме спорили так, что слышно было во дворе: то бурные Дианины выговоры, то угрюмые и монотонные ответы Джейсона. Мы с Саймоном вытащили из гаража пару шезлонгов, устроились в тени навеса для машин и стали ждать, когда близнецы разберутся между собой. Говорили о погоде. Пришли к единодушному мнению, что погода хорошая.

Шум в доме наконец стих. Вскоре на крыльце появился Джейсон – с таким видом, словно его хорошенько отшлепали, – и позвал нас помочь с барбекю. Мы втроем ретировались на задний двор, где поддерживали светскую беседу, по-

ка разогревался гриль. Из дома вышла Диана. Лицо у нее было пунцовое, вид триумфальный. Она всегда так выглядела, одержав победу в споре с Джейсом: слегка надменно, слегка удивленно.

Мы усадились за стол: курица, чай со льдом и остатки фасолевого салата.

– Можно я помолюсь? – спросил Саймон.

Джейсон закатил глаза, но кивнул.

Саймон торжественно склонил голову. Я приготовился выслушать проповедь, но Саймон сказал лишь:

– Дай нам мужества принять награду, дарованную нам сегодня и каждый божий день. Аминь.

Это были не слова благодарности, а просьба о мужестве. Очень современно. Диана взглянула на меня со своей стороны стола и улыбнулась. Затем сжала руку Саймона, и мы охотно приступили к еде.

* * *

Ужин закончился рано: солнце еще не село, и комары пока не вошли в вечерний раж. Ветерок стих, остывающий воздух смягчился.

Но где-то там события не стояли на месте.

Мы не знали – и даже Джейсон с его хваленными связями был не в курсе, – что примерно между первым куском курицы и последней ложкой салата китайцы, отказавшись

от дальнейших переговоров, санкционировали немедленный запуск своры «Дунфэнов» с термоядерными боеголовками. Наверное, ракеты уже мчались к цели, когда мы доставали из холодильника бутылки «Хайнекена» – зеленые запотевшие бутылки, похожие на ракеты.

Мы убрали со стола. Я сказал, что утром мы с Саймоном поедем в город за новыми свечами зажигания. Диана шепнула что-то брату, а потом – после многозначительной паузы – ткнула его локтем. Джейс наконец кивнул, повернулся к Саймону и предложил:

– На въезде в Стокбридж есть гипермаркет запчастей, у них открыто до девяти. Могу свозить тебя прямо сейчас.

Джейсон пошел на мировую, хоть и вынужденно. Оправившись от первого удивления, Саймон произнес:

– Если предлагаешь прокатиться на «феррари», отказываться не стану.

– Увидишь, на что она способна.

Задобренный перспективой похвастаться своей тачкой, Джейсон убежал в дом за ключами. Саймон взглянул на нас так, словно хотел сказать «ни фиги себе!», после чего последовал за ним. Я посмотрел на Диану. Она усмехнулась, гордая своим дипломатическим триумфом.

А где-то там ракеты «Дунфэн» приблизились к барьеру, преодолели его и направились к заданным целям. Представляю, как необычно это выглядело: ракеты мчатся над темной, холодной, неподвижной планетой; не имея никакой свя-

зи с Землей, действуют в полном соответствии с внутренней программой и наводятся на безликие артефакты, зависшие в сотнях миль над полюсами.

Спектакль без публики, поставленный столь внезапно, что никто не успел купить билет.

* * *

Позже ученые мужи пришли к выводу, что детонация китайских боеголовок не оказала никакого влияния на дифференциал временных потоков. Влиянию, и значительному, подвергся фильтр, окружавший Землю. Не говоря уже о человеческом восприятии Спина.

Несколько лет назад Джейс говорил, что из-за темпорального градиента наша планета подверглась бы чудовищному облучению, не снабди нас гипотетики защитным фильтром от радиации. Трехгодичная порция солнечного света каждую секунду: этого предостаточно, чтобы уничтожить жизнь на Земле; предостаточно, чтобы стерилизовать почву и вскипятить океаны. Гипотетики, стоявшие за темпоральной обособленностью Земли, защитили нас от ее смертоносных побочных эффектов. Более того, они учли не только объем энергии, получаемый статичной Землей, но и весь тот жар и свет, что наша планета излучает обратно в космос. Наверное, поэтому погода последних лет была такой приятно... усредненной.

По крайней мере, небо над Беркширами оставалось чистым, словно уотерфордский хрусталь, когда в 7:55 по восточноевропейскому времени китайские ракеты поразили цель.

* * *

Мы с Дианой сидели в гостиной, когда зазвонил домашний телефон.

Вы спросите, что мы заметили до звонка Джейса? Может, изменение света, пусть даже незначительное, словно солнце нырнуло за облачко? И я отвечаю: ничего. Вообще ничего не заметили. Все мое внимание было сосредоточено на Диане. Мы потягивали прохладительные напитки и вели бессодержательную беседу. О книгах, о фильмах. Разговор завораживал: не содержанием, но темпом, ритмом, в который мы с Дианой вошли, оставшись наедине, — так же как всегда. Любые, даже самые банальные речи между друзьями или любовниками имеют собственный ритм, гладкий или рваный, и проникают глубоко, словно воды подземной реки, даже если обсуждаются самые тривиальные темы. Мы обменивались избитыми, ни к чему не обязывающими фразами, но время от времени нас выдавал подтекст.

Совсем скоро оказалось, что мы, напрочь забыв про Саймона Таунсенда и последние восемь лет, откровенно флиртуем друг с другом: поначалу шутливо, а потом, наверное,

всерьез. Я признался, что скучал.

– Иногда мне хотелось поговорить с тобой, – сказала она. – Ужасно хотелось с тобой поговорить. Но у меня не было твоего номера. И я боялась тебе помешать.

– Могла бы узнать мой номер. И не помешала бы.

– Ты прав. Пожалуй, я просто трусила.

– Я что, такой страшный?

– Не ты. Ситуация, в которой мы оказались. Наверное, я считала, что должна извиниться. И не знала, с чего начать. – Она улыбнулась так, словно ей больно было улыбаться. – Пожалуй, до сих пор не знаю.

– Тебе не за что извиняться, Диана.

– Спасибо на добром слове, но позволь не согласиться. Мы уже не дети, мы можем оглянуться и бросить пронизательный взгляд в прошлое. Мы с тобой были так близки, как только могут быть близки люди, не касаясь друг друга. Но касаться было нельзя. Даже говорить об этом было нельзя. Словно мы приняли обет молчания.

– Той ночью, когда не стало звезд.

Во рту у меня пересохло. Я был в ужасе. Я был возбужден. Я был сам себе страшен.

Диана махнула рукой:

– Той ночью? Знаешь, что мне запомнилось из той ночи? Бинокль Джейсона. Я рассматривала Казенный дом, а вы двое пялились на небо. Вообще не помню звезд, честное слово. Помню, как видела Кэрол в одной из спален. Пьяную.

Она приставала к кому-то из официантов. – Диана смущенно хихикнула. – Это был мой личный мини-апокалипсис как итог моей ненависти к семье и Казенному дому. Мне хотелось притвориться, что никого не существует. Ни Кэрол, на Эда, ни Джейсона...

– Ни меня?

Придвинувшись, она – так уж повернулся разговор – погладила меня по щеке. Только что она держала в руке бутылку, поэтому ладонь была прохладной.

– Кроме тебя. Мне было страшно. А ты оказался невероятно терпелив. Я благодарна тебе за это.

– Но мы не могли...

– Прикоснуться друг к другу.

– Да, прикоснуться друг к другу. Эд бы такого не потерпел.

– Решись мы, он ничего бы не узнал. – Она убрала ладонь от моего лица. – Но ты прав, источником проблем был Эд. Он отравлял все вокруг себя. Заставлял твою мать влачить второсортное существование. Это было унижительно, даже непристойно. Можно признаться? Я ненавидела себя лютой ненавистью за то, что я его дочь. И было особенно мерзко думать, что, если что-то... случится между нами, для тебя это будет способ отомстить И Ди Лоутону.

Она отстранилась – по-моему, сама себе слегка удивляясь.

– Ты же понимаешь, что это не так, – осмотрительно сказал я.

– Я тогда совсем запуталась.

– Значит, вот что для тебя «Новое Царствие»? Способ отомстить Эду?

– Нет, я люблю Саймона не только потому, что он бесит отца, – сказала она с улыбкой. – Жизнь не так проста, Тай.

– Я ничего такого...

– Видишь, как все это обманчиво? В голове зарождаются подозрения, и от них так просто не отделаешься. Нет, НЦ не имеет отношения к отцу. Это попытка увидеть Божий промысел в том, что случилось с Землей, и способ выражать любовь к Богу в повседневной жизни.

– Может, Спин тоже не так однозначен.

– По словам Саймона, мы или погибнем, или преобразимся.

– Он сказал, что вы строите рай на земле.

– Разве это не обязанность всех христиан? Созидать Царствие Божие посредством нашей жизни?

– Или хотя бы посредством танца.

– Ты говоришь прямо как Джейсон. Конечно, я не могу сказать, что в НЦ все гладко. На прошлой неделе было собрание в Филадельфии, и мы познакомились с одной парой: нашего возраста, интеллигентные и дружелюбные люди. Как сказал Саймон, «живые духом». Мы поужинали вместе, поговорили о втором пришествии. Они пригласили нас к себе в гостиничный номер, и началось: дорожки кокса на столе, порноролики... НЦ – магнит для всевозможных маргиналов

однозначно. И для большинства из них вся теология – это смутный образ райских кущ. Но в лучшие моменты «Новое Царствие» полностью соответствует своему названию. Это подлинная живая вера.

– Вера во что, Диана? В экстазисы? В половую распущенность?

Я заметил, что она обиделась, и тут же пожалел о своих словах.

– Экстазис – это не половая распущенность. По крайней мере, когда он проходит успешно. Телу, дарованному нам Господом, дозволено все до тех пор, пока оно выражает божественную любовь и любовь к ближнему своему. Не дозволены только мстительность и злоба.

Тут и зазвонил телефон. Наверное, у меня был виноватый вид. Взглянув на меня, Диана рассмеялась.

– Я сказал, что нас предупредят с небольшим запасом, – выпалил Джейсон, когда я снял трубку. – Прости. Я ошибся.

– Чего?

– Тайлер... Ты еще не видел неба?

* * *

Мы тут же поднялись наверх и нашли окно с видом на закат.

Те, кто планировал западную спальню, не задумывались об экономии пространства. В ней разместились шифоньер

красного дерева, кровать с латунными спинками, но главное – здесь были здоровенные окна. Я отдернул шторы. Диана охнула.

Заката мы не увидели. Вернее, увидели, но не один закат, а несколько.

Все небо на западе полыхало огнем. Вместо солнечного диска над планетой висела красная сияющая дуга, тянувшаяся вдоль горизонта по крайней мере на пятнадцать градусов. Десятки мерцающих закатов, сведенных воедино. Свет был непостоянным: он то разгорался, то тускнел, словно отблеск далекого пожара.

Казалось, мы глазели на эту картину целую вечность. Наконец Диана подала голос:

– Что происходит, Тайлер? Что творится?

Я пересказал ей слова Джейсона о китайских ядерных ракетах.

– И он знал, что такое может случиться?! – воскликнула она и тут же ответила на свой вопрос: – Ну конечно знал.

Новый закат заливал комнату розовым сиянием, расцветив щеки Дианы лихорадочным румянцем.

– Тайлер, мы погибнем?

– Джейсон так не думает. Хотя люди страшно перепугаются.

– Но это, наверное, опасно? Радиация и все такое?

Вряд ли. Но полной уверенности у меня не было.

– Попробуем включить телевизор, – сказал я.

В каждой комнате имелаась плазменная панель, встроенная в ореховую отделку напротив кровати. Я решил, что любая условно смертельная радиация выведет из строя приемники и передатчики телесигнала.

Но телевизор работал безупречно. По новостным каналам показывали толпы, собравшиеся в европейских городах, где уже стемнело – насколько это было возможно той ночью. Убойная радиация не поразила планету, но паника зарождалась повсю. Диана неподвижно сидела на краешке кровати, сложив руки на коленях. Ей было страшно. Я присел рядом и сказал:

– Грози нам смерть, мы бы уже погибли.

Закат рывками опадал во тьму. Рассеянный свет распался на несколько отчетливых мертвенно-бледных солнц; затем небо пронзила сверкающая дуга солнечного света – внезапно, будто распрямилась пружина, – и мгновенно исчезла.

Сидя бедром к бедру, мы смотрели, как темнеет небо. А потом появились звезды.

* * *

Прежде чем отказала мобильная связь, я успел еще раз созвониться с Джейсоном. Когда случилось небоизвержение, сказал он, Саймон как раз платил за комплект свечей для машины. Дороги, ведущие из Стокбриджа, стояли в пробках; по радио сообщалось, что кое-где в Бостоне начали грабить

магазины, а движение на всех крупных магистралях застопорилось, поэтому Джейс бросил «феррари» на парковке у мотеля и снял комнату для себя и Саймона. Утром ему, скорее всего, придется ехать в Вашингтон, но сперва он завезет Саймона в летний домик.

После этого он передал телефон Саймону, а я передал свой Диане и вышел, чтобы не мешать ее разговору с женихом. Дом казался огромным, пустым и зловещим. Я походил по комнатам, повключал свет, а потом меня позвала Диана.

– Еще по стаканчику? – спросил я.

– О да, – ответила она.

* * *

Вскоре после полуночи мы вышли во двор.

Диана храбрилась: скорее всего, благодаря Саймоновой идеологической накачке. В теологии НЦ не имелось ни традиционного второго пришествия, ни Вознесения, ни Армагеддона; Спин являл собой совокупность этих понятий, кое-как подходил под все древние пророчества. Раз уж Бог решил изобразить для нас истинную геометрию времени на небесном холсте, говорил Саймон, нам остается лишь благоговейно трепетать. Но не следует идти на поводу у собственного страха, ибо Спин – всего лишь акт избавления, последняя и лучшая глава в истории человечества.

Или что-то в этом роде.

Вот мы и вышли посмотреть на небо, потому что Диана сочла такой поступок смелым и высокодуховным. Облаков не было. Пахло соснами. Шоссе находилось далеко, но иной раз до нас долетали отголоски сирен и автомобильных гудков.

То на севере, то на юге вспыхивало небо, и вместе со вспышками танцевали наши тени. Мы уселись на траве в нескольких ярдах от крыльца с ровно светившим фонарем, и Диана положила голову мне на плечо, и я обнял ее. Мы оба были слегка пьяны.

Несмотря на годы эмоционального холода, несмотря на прошлое в Казенном доме, несмотря на ее помолвку с Саймоном Таунсендом, несмотря на НЦ и экстазисы, даже несмотря на хаотические последствия ракетного удара по небу, я остро чувствовал, как тело Дианы прижимается к моему. Как ни странно, ощущение было донельзя знакомым – изгиб ее руки под моей ладонью, тяжесть ее головы у меня на плече, – словно я чувствовал все это не впервые, словно всегда знал, каково это – сидеть рядом с Дианой и обнимать ее. От страха ее бросило в пот, и даже этот пряный аромат казался мне знакомым.

Небо искрило непривычным светом. Это не был истинный свет вселенского Спина – он убил бы нас на месте, – это была серия небесных оттисков, одна полночь за другой с интервалом в микросекунду, остаточное изображение, словно последняя вспышка перегоревшей лампочки; щелк – и то же

самое небо, но столетием или миллениумом позже. Череда крупных планов в сюрреалистическом фильме. Некоторые кадры смазались из-за чрезмерной экспозиции, звезды и Луна выглядели как призрачные сферы, круги или серпы. Другие были очерчены резче, но тут же затухали. Ближе к северу линии и круги сужались, их радиусы мельчали, а экваториальные звезды беспокойно вальсировали по небу, описывая исполинские эллипсы. Нам подмигивали полные луны и полумесяцы, прозрачные, бледно-оранжевые, рассыпанные от одного горизонта до другого. Флуоресцирующая белая лента Млечного Пути то вспыхивала, то тускнела в пронзительном сиянии погибающих звезд. Звезды рождались и умирали с каждым дуновением летнего ветра.

И все это двигалось.

Исполняло замысловатый мерцающий танец, предполагавший еще более масштабные жизненные циклы, сокрытые от человеческого разума. Небо над нами пульсировало, словно сердце.

– Такое живое, – сказала Диана.

Вот один из предрассудков, свойственных нашему ограниченному сознанию: если что-то шевелится, оно живое; если нет – мертвое. Живой червь извивается под статичным мертвым камнем. Звезды и планеты движутся, но лишь в соответствии с инертными законами гравитации: камень может упасть, но от этого он не станет живым, а движение по орбите – то же самое падение, только растянутое на неопре-

деленный срок.

Но если продлить наше мимолетное существование – так, как это сделали гипотетики, – различие между живым и мертвым станет весьма расплывчатым. На наших глазах звезды рождались, жили и, умирая, завещали свой неразложимый пепел новым звездам. Сумма их ипостасей не была проста, нет, она была невообразимо сложна, это была хореография скорости и притяжения, прекрасная, но и пугающая. Пугающая, как во время землетрясения, ибо звезды корчились в муках, и мы видели, что постоянство – это переменная величина. Пугающая, потому что наши глубочайшие органические таинства, совокупления и неопрятные акты рождения себе подобных оказались вовсе не таинствами: звезды тоже истекали кровью, рождая новые звезды. «Все течет, все меняется». Я не помнил, чья это цитата.

– Гераклита, – подсказала Диана.

Я и не заметил, как произнес эти слова вслух.

– Сколько лет, – заговорила вдруг Диана, – там, в Казенном доме... Сколько же долбанных лет псу под хвост, и все эти годы я знала...

Я приложил палец к ее губам. Я знал, о чем она знала.

– Я хочу вернуться в дом, – сказала она. – Хочу вернуться в спальню.

Мы не стали зашторивать окон. Во тьме комнаты мерцали всполохи звездной карусели, покрывая расплывчатыми узорами мою кожу и кожу Дианы, словно городские огни за мокрым от дождя окном, безмолвные и расплывчатые. Мы хранили молчание, ибо слова были бы нам помехой. Любые слова были бы лживы. Мы занимались любовью без слов, и лишь когда все закончилось, я понял, что повторяю про себя: «Пусть все меняется, но только не это. Пожалуйста, только не это».

Когда небо вновь сделалось темным, когда звездный фейерверк наконец потускнел, а потом погас, мы крепко спали. Китайский ракетный удар не повлек за собой никаких ощутимых последствий. Несколько тысяч человек пали жертвами глобальной паники, но планета не пострадала – и гипотезы, по-видимому, тоже.

На следующее утро солнце встало по расписанию.

Меня разбудил звонок домашнего телефона. В постели я был один. Диана взяла трубку в другой комнате, после чего пришла и рассказала, что звонил Джейс: пробки рассосались, и они возвращаются.

Она уже приняла душ и оделась. От нее пахло мылом и накрахмаленным хлопком.

– И все? – спросил я. – Объявится Саймон и вы уедете?

Эта ночь ничего не значит?

Диана села рядом:

– Эта ночь не значит, что я не уеду с Саймоном.

– По-моему, она много чего значит.

– Да. Настолько, что не выразить словами. Но нельзя стереть прошлое. Обещания, которые нужно сдержать. И мою веру. Все это накладывает на мою жизнь некоторые ограничения.

Голос ее звучал неубедительно.

– Веру? – переспросил я. – Я же вижу, что ты не веришь во всю эту чушь.

– Может, и не верю. – Она нахмурилась и встала. – Может, мне просто необходимо быть рядом с тем, кто верит.

* * *

Не дожидаясь Саймона с Джейсом, я собрал вещи и закинул сумку в «хендэ». Когда захлопнул багажник, на крыльцо вышла Диана.

– Я позвоню, – сказала она.

– Как хочешь, – сказал я.

4 × 10⁹ нашей эры

Во время нового приступа лихорадки я разбил еще одну лампу. На сей раз Диана смогла сохранить это в тайне от консьержа. Подкупила горничных, чтобы те не убирали в номере, а вместо этого через день оставляли у двери чистое постельное белье и забирали грязное. Им незачем было видеть, как я мечусь в бреду. Последние полгода местная больница ломилась от пациентов с холерой, лихорадкой денге и ССК человека. Мне вовсе не хотелось очнуться в карантинном изоляторе рядом с контагиозным больным.

– Знаешь, что меня тревожит? – спросила Диана. – Что-то может произойти, когда меня здесь нет.

– Я в состоянии о себе позаботиться.

– Только не на пике приступа.

– Стало быть, тут уж как повезет. Планируешь куда-то уехать?

– Нет, если не считать обычных дел. Но вдруг я не смогу вернуться вовремя? Вдруг что-нибудь случится?

– Что, например?

– Не знаю, чисто гипотетически, – пожала плечами Диана.

Но по тону я понял: никаких гипотез, она знает, о чем говорит.

Расспрашивать я не стал. В нынешней ситуации мне оставалось лишь делать, что велят.

Началась вторая неделя процедуры. Близился кризис. Концентрация марсианского препарата в крови и тканях вышла на критический уровень. Даже когда спадал жар, я не понимал, где нахожусь. Вообще ничего не соображал. Соматические симптомы тоже были нешуточные. Боль в суставах. Желтуха. Сыпь, если словом «сыпь» можно описать ощущение, как будто сбрасываешь шкуру, слой за слоем, пока не останется открытая мокнущая рана. Иногда, проспав четыре-пять часов (по-моему, пять часов сна за ночь был мой рекорд), я кое-как перебирался в кресло у кровати, и Диана счищала с окровавленной простыни чешуйки кожи.

Наконец я потерял доверие даже к моментам просветлений. С вероятностью «пятьдесят на пятьдесят» ясность мышления была иллюзорной, мир окрашивался в яркие цвета и обретал чрезвычайно резкие очертания, а слова и воспоминания крутились в голове все быстрее, словно коленвал дизельного двигателя, ушедшего в разнос.

Плохо. И пожалуй, еще хуже для Дианы: когда я не контролировал себя, ей приходилось подкладывать мне судно. В каком-то смысле она отвечала услугой на услугу. Когда сама она пробивалась через эту фазу, я был рядом. Но с тех пор

прошло много лет.

* * *

Ночью Диана, как правило, спала рядом со мной; не знаю, как она это выносила. Тщательно соблюдала дистанцию между нами (иногда одного веса хлопчатобумажной простыни хватало, чтобы я заплакал от боли), но меня успокаивало почти неосознанное ощущение ее присутствия.

В самые скверные ночи, когда я метался по кровати и мог больно ударить Диану, выбросив руку, она уходила от меня и ютилась на цветастой кушетке у балкона.

О своих делах в Паданге она мало что рассказывала. Я примерно представлял, чем она занимается: заводит знакомства с корабельными казначеями и судоводителями, приценивается к вариантам транзита через Дугу. Непростая работа. Процедуру я переносил тяжело, но еще тяжелее было смотреть, как Диана выходит за дверь, в потенциально опасный азиатский демимонд, вооружившись одним лишь карманным баллончиком «Мейс» в придачу к личному бесстрашию.

И даже этот недопустимый риск был меньшим злом, чем если бы они нас поймали.

Они – агенты президента Чайкина или их союзники в Джакарте – интересовались нами по множеству причин. Во-первых, разумеется, из-за препарата. И, что даже важнее,

из-за нескольких цифровых копий марсианских архивов, которые были при нас. Этим людям очень хотелось вызнать все о последних часах жизни Джейсона, услышать его предсмертный монолог (тогда я был рядом и все записал), допытаться, что Джейсон поведал мне о природе гипотетиков и Спина, ибо этими знаниями не владел никто, кроме него.

* * *

Я поспал, проснулся – ее не было.

Следующий час я провел, наблюдая, как колышутся балконные занавески; глядя, как солнечный свет ползет по ближней стойке Дуги; фантазируя о Сейшельских островах.

Бывали когда-нибудь на Сейшелах? Вот и я не бывал. В голове крутился старый документальный фильм, который я однажды видел по бесплатному каналу. Сейшелы – тропические острова, родной дом черепах, кокосовых пальм и десятка разновидностей редких птиц. С геологической точки зрения эти острова суть остатки древнего континента, когда-то – задолго до появления современного человека – связывавшего Азию с Южной Америкой.

Фантазии, сказала однажды Диана, – это одичавшие метафоры. Ты мечтаешь о Сейшелах (звучал ее голос у меня в голове), ибо ощущаешь себя древним, практически исчезнувшим, ушедшим под воду.

Словно тонущий континент, омываемый волнами грядущ-

щего перерождения.

* * *

Я снова поспал. Проснулся – ее все еще не было.

* * *

Проснулся в темноте, все еще один, понимая, что прошло слишком много времени. Дурной знак. В прошлом Диана всегда возвращалась к сумеркам.

Во сне буянил. Простыня валялась на полу, едва заметная в уличном свете, отраженном от оштукатуренного потолка. Продрог, но тянуться за простыней было бы слишком больно.

Небо чистейшее. Если, сцепив зубы, наклонить голову влево, за стеклянной дверью балкона можно видеть несколько ярких звезд. Развлек себя мыслью, что в абсолютном выражении эти звезды, пожалуй, моложе меня.

Старался не думать о Диане. О том, где она и что с ней могло приключиться.

Наконец уснул. Веки прожигал звездный свет. Фосфоресцирующие призраки, плывущие сквозь красноватую темноту.

Утро.

По крайней мере, я решил, что это утро. За окном было светло. Какая-то женщина (скорее всего, горничная) дважды постучала в дверь и сердито буркнула что-то по-малайски. Потом ушла.

Теперь я разволновался не на шутку, хотя на нынешнем этапе процедуры тревога походила на пьяную раздражительность. Что же нашло на Диану, почему она бросила меня на невыносимо долгое время, почему она не здесь, не держит меня за руку, не утирает мне пот со лба? Соображение о том, что Диана попала в беду, было неуютно, бездоказательно и судом не принималось.

Однако пластиковая бутылка у кровати опустела. Со вчерашнего дня (а то и дольше) в ней не было воды, обветренные губы мои начинали трескаться, и я не мог вспомнить, когда последний раз дохромал до туалета. Если не хочу, чтобы отказали почки, нужно набрать воды из-под крана.

Но даже сесть было непросто. Я едва не вскрикнул от боли. Свесить ноги с матраса оказалось почти невозможно, невыносимо, словно кости мне заменили ржавыми бритвенными лезвиями, а хрящи – битым стеклом.

Я пробовал отвлечься, подумать о чем-то еще (Сейшелы, небо), но это слабосильное болеутоление преломилось

в призме лихорадки. Казалось, за спиной у меня говорит Джейсон, просит какую-нибудь ветошь, чтобы вытереть грязные руки. Я вышел из ванной с полотенцем вместо стакана воды, и, проковыляв уже полпути до кровати, осознал свою ошибку. Дурак. Начинать сначала. Теперь возьми с собой пустую бутылку. Наполни ее доверху, до самого горлышка – давай шагай туда, где калечат.

Я протянул ему ветошь в сарае за Казенным домом, где садовники хранили свои инструменты.

Ему было лет двенадцать. Начало июня, за пару лет до Спина.

Глотни воды, попробуй время на вкус. Ну вот, поперли воспоминания.

* * *

Когда Джейсон предложил починить газонокосилку, я изрядно удивился. Садовником в Казенном доме служил раздражительный бельгиец по фамилии де Мейер; он вечно курил «Голуаз», а когда мы пробовали завести с ним разговор, лишь недовольно пожимал плечами. Де Мейер проклинал свою газонокосилку, потому что она кашляла, чадила и застревала через две минуты на третью. С какой стати делать ему одолжение? Но Джейс был словно под гипнозом, ведь механизм бросил вызов его интеллекту. Оказалось, он сидел за компьютером до поздней ночи, шерстил интернет, изу-

чал бензиновые двигатели. Его распирало от любопытства. Он сказал, что хочет «увидеть двигатель *in vivo*». Тогда я не знал, что означает *in vivo*, и от этого счел затею вдвойне интересной. Сказал, что буду рад помочь.

Но, по сути дела, я лишь наблюдал, как Джейс расстелил на полу десяток листов вчерашнего номера «Вашингтон пост», закатил на них косилку и приступил к осмотру. Дело было в уединенном сарае на самом краю лужайки; там пахло плесенью, бензином, машинным маслом, удобрениями и гербицидами. На стенах – полки из грубых сосновых досок; на полках – мешки с мульчей из древесной коры и семенами газонных трав, а между ними – садовый инвентарь с изношенными лезвиями и растрескавшимися рукоятками. Играть в сарае было нельзя. Обычно на двери висел замок, но Джейсон стащил ключ с ключницы, висевшей у выхода из подвала.

В ту жаркую пятницу я был не прочь понаблюдать за трудами Джейса; зрелище поучительное и, как ни странно, умиротворяющее. Сперва он растянулся на полу рядом с косилкой и внимательно ее осмотрел. Плановмерно ощупал кожух, нашел головки винтов, остался доволен, выкрутил винты и разложил их в сторонке (по порядку), снял кожух, поставил его рядом с винтами и проник во внутренности механизма.

Оказалось, он умел пользоваться отверткой-трещоткой и тарированным гаечным ключом: то ли научился раньше, то ли подсказала интуиция. Иной раз движения его были осто-

рожными, но неуверенными – никогда. Работал он точно, умело, с осознанием собственных сил, словно художник или спортсмен. Снял все детали, до которых сумел добраться, и сложил на почерневшие от смазки страницы «Пост» – так, что получилось что-то вроде иллюстрации из анатомического атласа. Тут дверь сарая со скрипом распахнулась, и мы оба подскочили от неожиданности.

И Ди Лоутон вернулся домой пораньше.

– Черт, – прошептал я.

Ответом мне был тяжелый взгляд старшего Лоутона. И Ди в безупречно пошитом сером костюме стоял на пороге, взглядом оценивая масштабы катастрофы, а мы с Джейсом уперлись глазами в пол, и вид у нас был такой виноватый, словно нас застукали с номером «Пентхауса».

– Ты ее чинишь или ломаешь? – спросил наконец И Ди со смесью презрения и негодования в голосе (эту манеру речи он давно отточил до совершенства и ввел в привычку, сделав своей вербальной сигнатурой).

– Чиню, сэр, – смиренно ответил Джейсон.

– Понятно. Скажи, это твоя газонокосилка?

– Конечно нет, но я подумал, мистер де Мейер будет рад, если...

– Но это и не его газонокосилка. Инструменты мистера де Мейера ему не принадлежат. Если бы я не нанимал его каждое лето, он жил бы на пособие по безработице. Выходит, чья это газонокосилка? Правильно, моя.

И Ди сделал такую долгую паузу, что от тишины зазвенело в ушах. Затем сказал:

– Ты нашел неисправность?

– Пока нет.

– Пока нет? В таком случае ищи дальше.

Джейсон выдохнул с таким облегчением, что не передать словами.

– Да, сэр. Я думал, после ужина...

– Нет. Никаких «после ужина». Коль уж разобрал, чини и собирай обратно, а потом я разрешу тебе поесть.

Тут И Ди обратил внимание на меня. Не сказать, что я этому обрадовался.

– Ступай домой, Тайлер. Не хочу видеть тебя в этом сарае. И в следующий раз, прежде чем что-то делать, хорошенько подумай.

Я заморгал от слез и выскочил на солнцепек.

В сарае он меня больше не видел, но лишь благодаря моей осторожности. Вечером я вернулся – после десяти, когда выглянул из окна своей комнаты и увидел под дверью постройки полоску света. Я стащил из холодильника оставшийся после ужина куриный окорочок, завернул его в фольгу и скользнул под покров ночной темноты. Шепотом обозначил свое присутствие, и Джейс погасил свет – ровно настолько, чтобы я успел незаметно юркнуть внутрь.

Весь в смазке и потеках машинного масла, Джейс походил на татуированного маори. Косилку он собрал лишь на-

половину. Когда он жадно проглотил пару кусков курятины, я спросил, почему он так долго возится.

– Я мог бы собрать ее за пятнадцать минут, – объяснил Джейсон, – но работать она не будет. Труднее всего точно определить неисправность. Плюс я делаю только хуже. Если пытаюсь прочистить топливопровод, в него попадает воздух. Или трескается резина. Все детали на ладан дышат. В кожухе карбюратора трещина толщиной с человеческий волос, и я не знаю, что с ней делать. У меня нет ни запчастей, ни нужных инструментов. Я даже не знаю, какие инструменты мне нужны.

Лицо его сморщилось, и на мгновение мне показалось, что он вот-вот расплачется.

– Так брось, – предложил я. – Скажи Эду: «Извините, виноват». Пусть вычтет из твоих карманных денег или откуда-нибудь еще.

Он посмотрел на меня так, словно я изрек нечто возвышенное, но донельзя глупое.

– Нет, Тайлер. Спасибо, но так я поступать не стану.

– Почему нет?

Он не ответил. Отложил окорочок и вновь принялся разгребать последствия своей прихоти.

Я собрался было уходить, но в дверь поскреблись снова. Джейсон кивнул на выключатель – я потушил свет. Скрипнула дверь, и в сарай вошла Диана.

Она до смерти боялась, что ее застукает И Ди, и говорила

исключительно шепотом. Диана тоже явилась не с пустыми руками, но принесла не куриный окорочок, а беспроводной интернет-модем размером с ее ладонь.

Увидев его, Джейсон просветлел:

– Диана!

Она шикнула, искоса глянула на меня, нервно улыбнулась. Шепнула: «Это всего лишь железка», кивнула нам обоим и выскользнула за дверь.

– Это точно, – сказал Джейсон, когда она ушла. – В железке нет ничего особенного, но сеть – полезная штука. Именно сеть, а не железка.

Следующий час он провел на форуме самоделкиных с Западного побережья: те занимались модификацией миниатюрных двигателей для соревнований роботов на дистанционном управлении. К полуночи Джейс выяснил, как временно устранить десяток неисправностей. Я ушел, прокрался домой, встал у окна своей комнаты и наблюдал, как Джейс призывает отца. Сонный И Ди вышел из Казенного дома в пижамных штанах и расстегнутой фланелевой рубашке, остановился, сложив руки на груди, и смотрел, как Джейсон заводит косилку. В предрассветной тиши звук мотора казался на редкость неуместным. Несколько секунд И Ди прислушивался, потом пожал плечами и жестом пригласил Джейсона в дом.

Задержавшись у двери, Джейс заметил свет в моем окне и украдкой помахал мне рукой.

Ясное дело, ремонт оказался недолговечным. В следующую среду, когда любитель «Голуаза» постриг примерно половину газона, косилка окончательно вышла из строя. Прячась в тени деревьев, мы выучили по меньшей мере дюжину отборных фламандских ругательств. Джейсону с его почти эйдетической памятью особенно понравилось высказывание «God-verdomme min kloten miljardedju!». Раздобыв в библиотеке школы Райса англо-голландский словарь, Джейсон составил примерный перевод этой фразы – «Тысяча чертей на мои мудя, Господи Христе!» – после чего пользовался ею при всяком удобном случае: например, когда рвался шнурок или зависал компьютер.

В конце концов И Ди Лоутону пришлось раскошелиться на новый агрегат. В мастерской сказали, что чинить старый слишком дорого; да и вообще, просто чудо, что он проработал так долго. Я услышал об этом от матери, а та – от Кэрол Лоутон. Насколько мне известно, с Джейсоном И Ди больше об этом не заговаривал.

Мы несколько раз посмеялись на эту тему – пару месяцев спустя, когда обида почти забылась.

* * *

Я доволок себя до постели и снова задумался о Диане. Вспоминал ее подношение Джейсону – не утешительное вроде моего, но по-настоящему полезное. Где же она сейчас?

Чем одарит меня, чтобы облегчить мое бремя? С меня бы хватило ее общества.

Дневной свет струился по комнате, словно сияющая река, и я плыл в ее водах, притопленный бессодержательными мгновениями.

Бред не всегда буйный, иногда он неторопливый и холоднокровный, словно пресмыкающееся. Я наблюдал, как тени ящерицами взбираются по стенам к потолку гостиничного номера. Моргнул, и прошел час. Моргнул еще раз, и наступила ночь. Я изогнул шею, чтобы взглянуть на Дугу, – ни единого блика. Вместо солнечного света – тропические тучи и молнии, неотличимые от лихорадочных вспышек в глазах, но гром я распознал безошибочно. Снаружи тянуло минеральной влагой, и по бетонному балкону шлепали дождевые капли.

Наконец новый звук: ключ-карта в замке, оглушительный скрип дверных петель.

– Диана, – сказал я. (Или прошептал, или просипел.)

Она вбежала в комнату в уличной одежде: в свитере с кожаной оторочкой и в широкополой шляпе, с которой капала вода. Встала у кровати, сказала «прости».

– Не нужно извиняться. Просто...

– Нет, правда прости, Тайлер, но тебе придется одеться. Нам надо уезжать. Немедленно. Внизу ждет такси.

Я не сразу переварил эту информацию. Диана тем временем бросала в пластиковый чемодан наши вещи: одежду,

документы – настоящие вперемешку с поддельными, – карты памяти, пухлый чехол с пузырьками и шприцами. «Я не могу встать», – хотел сказать я, но лишь промямлил что-то невнятное.

Чуть позже она принялась одевать меня, и мне даже удалось сохранить кое-какое достоинство: я приподнял ноги, не дожидаясь просьбы, и скрежетнул зубами вместо того, чтобы закричать. Я сел, и она заставила меня глотнуть воды из прикроватной бутылки, а затем отвела в ванную, где я выдавил из себя струйку густой канареечно-желтой мочи.

– О черт, – сказала она. – У тебя обезвоживание.

Дала мне выпить еще воды и сделала укол анальгетика, от которого рука зашлась ядовитым огнем.

– Тайлер, не представляешь, как мне жаль!

Наверное, недостаточно, ибо она не остановилась: впихнула меня в плащ, а на голову нахлобучила тяжелую шляпу. Я был в ясном сознании и уловил в ее голосе тревогу.

– Почему мы бежим?

– Скажем так, столкнулась с неприятными людьми.

– Куда бежим?

– Вглубь страны. Быстрее.

Мы торопливо прошли по тусклому гостиничному коридору и спустились по лестнице на первый этаж; левой рукой Диана тащила чемодан, а правой поддерживала меня. Путь был неблизкий. Особенно по лестнице. «Перестань стоять», – шепнула она пару раз. И я перестал. Или мне так

показалось.

Потом на улицу, в ночь. Капли дождя рикошетили от грязных тротуаров, шипели на капоте перегретого двадцатилетнего такси. Водитель, прятаясь в кабине, с подозрением уставился на меня. Я уставился на него в ответ.

– Он не болен.

Диана жестом изобразила глоток из бутылки: мол, пьяный. Водитель нахмурился, но когда Диана сунула ему в руку деньги, возражать не стал.

Наркотик подействовал уже в пути. На ночных улицах Паданга стоял утробный запах мокрого асфальта и тухлой рыбы. Нефтяные лужицы разлетались из-под колес такси, будто радуги. После неонового туристического района мы оказались в запутанном нагромождении магазинов и жилых домов, выросших за последние тридцать лет вокруг города, где самодельные трущобы понемногу отступали под натиском процветания. Меж крытых жестью хибар были натянуты брезентовые тенты, под ними отдыхали бульдозеры. Высотные здания росли, как грибы на унавоженном поле. Потом мы въехали в промзону – серые стены и колючая проволока, – и я, по-моему, снова заснул.

Мне снились не Сейшелы, а Джейсон, его любовь к сетям («именно сеть, а не железка»), сети, что он создал и оживил, и места, куда завели его эти сети.

Беспокойные ночи

Сиэтл, сентябрь, после неудачной атаки китайцев минуло пять лет. Шел дождь, и я пробирался домой по пятничным пробкам. Прямо с порога я включил аудиосистему и зарядил составленный мною плейлист под названием «Терапия».

В реанимации «Харборвью» выдался напряженный день. Мне достались два огнестрельных ранения и попытка самоубийства. Даже закрывая глаза, я видел, как с поручней каталки смывают кровь. Я переоделся в сухое, джинсы и толстовку, налил себе выпить, встал у окна и залюбовался огнями бурлящего города. Где-то там, за тяжелыми тучами, чернело пятно залива Пьюджет-Саунд. Движение на Пятой автомагистрали почти застыло, превратившись в реку красных тормозных огней.

Собственно, вот она, моя жизнь, творение рук моих. И держится она на честном слове.

Через мгновение запела Аструд Жилберту, чувственно и слегка фальшиво, о гитарных аккордах и Корвокадо. Я еще не настолько отошел от работы, чтобы думать о вчерашнем звонке Джейсона. Слишком устал. Не мог даже проявить должного почтения к музыке. «Корвокадо», «Дезафинадо», несколько треков Джерри Маллигана, что-то из Чарли Берда. Терапия. Но музыка растворялась в шелесте дождя. Я разогрел в микроволновке ужин и съел его, не чувствуя вку-

са. Потом, оставив все надежды развязать кармический узел, решил постучаться к Жизель: узнать, дома ли она.

Жизель Палмер снимала квартиру в трех дверях от моей. Она была одета в потертые джинсы и старую фланелевую рубашку: значит, уходит не собиралась. Я спросил, занята ли она, и если нет, то не желает ли со мной затусить.

– Ну не знаю, Тайлер. У тебя такой мрачный вид...

– Скорее задумчивый. Не могу определиться, уезжать мне отсюда или нет.

– Уезжать? В командировку?

– Навсегда.

– Да ну? – Ее улыбка померкла. – И когда ты решил?

– В том-то и дело, что не решил.

– Серьезно? И куда?

Распахнув дверь, она жестом пригласила меня войти.

– Долгая история.

– То есть сперва выпьешь, потом расскажешь?

– Типа того, – ответил я.

* * *

Жизель познакомилась со мной в прошлом году, когда на цокольном этаже нашего дома проводили собрание жильцов. Ей было двадцать четыре года, и макушка ее доходила мне до ключицы. Днем она работала в одном из сетевых ресторанов Рентона, но когда по воскресеньям мы начали встречаться

за чашкой кофе, рассказала, что «подрабатывает проституткой, девочкой по вызову» – то есть состоит в клубе раскрепощенных девушек, обменивающихся контактами мужчин в возрасте (презентабельных и, как правило, женатых): те готовы были щедро платить за секс, но до ужаса боялись уличных проституток. Говоря об этом, Жизель гордо приосанилась и вызывающе посмотрела мне в глаза – на случай, если мое лицо выдаст шок или отвращение. Но этого не произошло. В конце концов, мы живем в эпоху Спина. Люди вроде Жизель устанавливают свои правила, к добру или к худу, а люди вроде меня воздерживаются от суждений.

Мы встречались, чтобы выпить кофе, а иногда и поужинать, и пару раз я оставлял для нее заявку на анализ крови. Судя по последним результатам, у Жизель не было ВИЧ; что касается прочих серьезных инфекций, антитела у нее имелись лишь к лихорадке Западного Нила. Другими словами, Жизель отличалась осторожностью и врожденным везением.

Но проблема в том, сетовала она, что торговля телом даже на полставки накладывает отпечаток на твою жизнь: в сумочке не переводятся презервативы и виагра. Так зачем этим заниматься, если можно, к примеру, устроиться на ночную смену в «Уолмарт»? Этот вопрос оказался Жизель неприятен, она ошетибилась: «Может, у меня такой заскок. Или хобби – вроде игрушечной железной дороги». Но я знал, что в раннем возрасте она сбежала из Саскатуна, где жила с отчимом, отъявленным мерзавцем, так что несложно было

предсказать ее карьеру. К тому же у Жизель, как и у всех нас, достигших половозрелого возраста, имелось железобетонное оправдание: все равно весь род людской скоро погибнет. Смерть, как сказал один писатель моего поколения, попирает стыд. Мертвые сраму не имут.

– До какой степени тебе нужно напиться? – спросила она. – Слегка или надраться в хлам? Вообще-то, выбора у нас нет. В баре сегодня ветер гуляет.

Она смешала мне коктейль, где была по большей части водка, а на вкус казалось, что его нацедили из топливного бака. Я уселся в кресло, убрав сегодняшнюю газету. Квартиру Жизель обставила вполне прилично, но за порядком следила не тщательнее, чем первокурсник, недавно заехавший в общежитие. На передовице красовалась карикатура на тему Спина: гипотетики в образе пары черных пауков обвивали Землю волосатыми лапами, а подпись гласила: «Сожрем их сейчас или после выборов?»

– Вообще не понимаю. – Жизель плюхнулась на диван и качнула ногой в сторону газеты.

– Чего не понимаешь? Карикатуры?

– Всего этого. Спин, точка невозврата... В газетах пишут какую-то заумь. А мне ясно лишь одно: по ту сторону неба что-то есть и намерения у этого «чего-то» не самые дружелюбные.

Пожалуй, под этой декларацией подписалось бы большинство представителей рода человеческого. Но по некой при-

чине – может, из-за дождя или из-за крови, которой я сегодня так много видел, – слова Жизель всколыхнули во мне волну негодования.

– Это не так уж сложно понять.

– Да ну? Так почему это творится?

– Дело не в «почему». Никто не знает почему. Дело в том, что именно...

– Нет, я в курсе, лекцию можешь не читать. Мы оказались в чем-то вроде космического мешка, пакета для заморозки, а Вселенная вертится как умалишенная, и ничего тут не поделаешь, и так далее, и тому подобное.

Я вновь ощутил приступ раздражения.

– Ты же знаешь свой адрес?

– Ясное дело, знаю. – Она отхлебнула из стакана.

– Потому что тебе приятно понимать, где ты находишься. В паре миль от океана, в сотне миль от границы, в нескольких тысячах миль от Нью-Йорка.

– И что с того?

– Дай договорить. Людям нетрудно отличить Спокан от Парижа, но стоит взглянуть на небо, и они не видят ничего, кроме изнанки огромной, аморфной, загадочной кляксы. А почему?

– Понятия не имею. Астрономию я учила по сериалу «Звездный путь». Думаешь, мне так уж необходимо знать про Луну и звезды? Я их с раннего детства не видела. Даже ученые соглашаются, что сами не всегда понимают, о чем го-

ворят.

– И тебя это устраивает?

– Какая, в жопу, разница, устраивает это меня или нет? Может, лучше телевизор включим? Посмотрим кино, и ты расскажешь, зачем тебе уезжать из города.

Звезды – они как люди, сказал я ей, живут определенный промежуток времени, а потом умирают. Солнце стремительно стареет, а чем старше оно становится, тем быстрее сжигает свое топливо. За миллиард лет яркость Солнца увеличивается на десять процентов. Солнечная система уже изменилась настолько, что, если бы не барьер, Земля была бы непригодна для жизни – даже остановись Спин прямо сейчас, сию секунду. Точка невозврата. Вот о чем пишут в газетах – и только потому, что президент Клейтон сделал официальное заявление, в котором признался: по мнению научного сообщества, способа вернуться к status quo ante – прежнему положению вещей – не существует.

Тут она смерила меня долгим несчастным взглядом:

– Вся эта хрень...

– Это не хрень.

– Может быть. Но мне от этого не легче.

– Я просто объясняю...

– Тайлер, ну твою мать, я разве просила объяснений?!

Шел бы ты домой вместе со своими страшилками. Или лучше сядь спокойно и расскажи, почему хочешь уехать из Ситла. Из-за тех твоих друзей?

Я рассказывал ей про Джейсона и Диану.

– В основном из-за Джейсона.

– Из-за твоего гения.

– Не только моего. Он во Флориде...

– Работает на какую-то спутниковую контору. Ты рассказывал.

– Собирается превратить Марс в цветущий сад.

– Об этом тоже пишут в газетах. И такое правда возможно?

– Понятия не имею. Джейсон думает, что да.

– Но на это же уйдет уйма времени!

– За определенной чертой время течет быстрее, – сказал я.

– Угу. И зачем ты ему понадобился?

Ну... И правда, зачем? Хороший вопрос. Даже замечательный.

– «Фонду перигелия» нужен терапевт для служебного медпункта.

– Я думала, ты обычный врач общей практики.

– Так и есть.

– Такой крутой, что можешь лечить космонавтов?

– Ни в коей мере. Но Джейсон...

– Делает одолжение старому приятелю? Ну да, все сходится. Боже, храни богачей. Все деньги ближнему кругу.

Я пожал плечами. Пусть думает что хочет. Нет смысла обо всем рассказывать, да и Джейсон не говорил ничего определенного...

Но во время беседы у меня сложилось впечатление, что я нужен Джейсону не только в качестве служебного терапевта. Он хотел, чтобы я стал его персональным врачом. Он был нездоров и не собирался обсуждать свое самочувствие с сотрудниками «Перигелия». И даже по телефону не стал ничего рассказывать.

В баре закончилась водка. Покопавшись в сумочке, Жизель извлекла на свет упаковку тампонов с припрятанным косяком. «Дурь что надо, вот увидишь». Щелкнула пластмассовой зажигалкой, поднесла огонек к бумажному хвостик и глубоко затянулась.

– В подробности мы не вдавались, – заметил я.

Она выдохнула:

– Ну ты и задрот. Потому, наверное, и способен все время думать про Спин. Тайлер Дюпре, пограничный аутист. Да-да, я про тебя. Все признаки налицо. Готова спорить, что и твой Джейсон Лоутон такой же. Уверена, у него встает всякий раз, когда он произносит слово «миллиард».

– Не нужно его недооценивать. Не исключено, что его стараниями сохранится род людской.

Или отдельно взятые его представители.

– Да таких задротов, как он, свет не видывал! А его сестра, ну та, с которой ты спал...

– Один раз.

– Да, один раз. Она нырнула в религию?

– Верно.

Нырнула и, насколько мне было известно, пока не вынырнула. С Дианой я не общался с той ночи в Беркширах – и не потому, что не пробовал с ней связаться. Я отправил пару электронных писем, но они остались без ответа. Джейс тоже почти ничего о ней не слышал, но если верить Кэрол, Диана и Саймон поселились где-то в Юте или Аризоне (в одном из тех западных штатов, где я никогда не был и потому не мог представить, как там все выглядит) и оказались в затруднительном положении, когда распалось «Новое Царствие».

– И это тоже нетрудно понять, – заметила Жизель и передала мне косяк.

Я не особенно любил накуриваться... но слово «задрот» задело меня за живое. Я сделал глубокую затяжку – с тем же эффектом, что и в общежитии Стоуни-Брук: меня тут же накрыла афазия.

– Ей, наверное, пришлось совсем худо. Завертелась карусель Спина, и твоей Диане хотелось лишь одного – забыть о ней, но как тут забудешь, если рядом ее семья, да еще и ты? На ее месте я бы тоже обратилась к Богу. В долбаном хоре пела-заливалась бы.

– Неужели наш мир и впрямь настолько плох? – спросил я, отстав от разговора.

– С моей точки зрения, – она протянула руку, чтобы забрать у меня косяк, – да. По большей части.

Отвернувшись, Жизель о чем-то задумалась. Гром дребезжал оконными стеклами, словно негодуя, что в комнате

тепло и сухо. С той стороны залива шла серьезная буря.

– Спорим, эта зима нам запомнится, – сказала Жизель. – Отвратительная будет зима. Жаль, у меня нет камина. Включить бы музыку, но я так устала, что встать нет сил.

Я подошел к аудиосистеме, скачал альбом Стэна Гетца, и саксофон согрел комнату получше любого камина. Жизель кивнула: сама она выбрала бы другой саундтрек, но сойдет, нормально...

– Итак, он позвонил и предложил тебе работу.

– Точно.

– И ты сказал, что согласен?

– Я сказал, что подумаю.

– Так вот чем ты занимаешься? Подумываешь?

Похоже, она что-то имела в виду, но я не понял намека.

– Пожалуй, да.

– Пожалуй, нет. Пожалуй, ты уже решил, как поступить.

Знаешь что? Пожалуй, ты пришел попрощаться.

Я сказал, что она, пожалуй, права.

– Ну так хотя бы иди сюда и сядь рядом.

Я послушно перебрался на диван. Жизель, вытянувшись, положила ноги мне на колени. На ней были ворсистые мужские носки в забавный ромбик. Отвороты джинсов задрались, обнажив лодыжки.

– Для парня, который спокойно смотрит на огнестрельные ранения, – сказала она, – ты слишком боишься взглянуть в зеркало.

– В смысле?

– В том смысле, что ты, как вижу, все еще привязан к Джейсону и Диане. Особенно к Диане.

Быть не может, чтобы Диана до сих пор имела для меня какое-то значение.

Наверное, я хотел это доказать. Наверное, поэтому мы переместились в неприбранную спальню Жизель, выкурили еще один косяк, завалились на розовое, как у Барби, покрывало, занялись любовью под ослепшими от дождя окнами, потом обнимали друг друга, пока не уснули, и мне снилось лицо, но не лицо Жизель.

А через пару часов я проснулся и подумал: боже мой, она права, я еду во Флориду.

* * *

В конечном счете на подготовку к переезду ушло несколько недель: Джейсон решал вопросы с «Перигелием», а я – с больницей. Я несколько раз видел Жизель, но встречи наши были недолгими. Она искала подержанную машину, и я продал ей свою: не хотелось рисковать, пускаясь в автопробег через всю страну. (Грабежи на федеральных автострадах участились в десятки раз.) Но мы не упоминали о том интимном моменте, что пришел и ушел вместе с дождливой погодой, об одолжении, которое спяну сделал кто-то из нас; скорее всего, она.

В Сиэтле я не нажил ни добрых приятелей, не считая Жизель, ни милых сердцу вещей: ничего более существенного, чем кое-какие цифровые архивы (в высшей степени транспортабельные) и несколько сотен старых пластинок. В день отъезда Жизель помогла мне погрузить сумки в багажник такси. Я велел водителю ехать в аэропорт, и Жизель – без особой тоски, но с некоторой грустью – помахала мне на прощание рукой, когда такси влилось в поток автомобилей.

Она была неплохим человеком и жила рискованной жизнью. Больше я ее не видел, но надеюсь, она пережила последующий хаос.

* * *

До Орlando я добирался на старом скрипучем аэробусе. Обивка салона истрепалась, видеоэкраны в спинках сидений давно уже следовало заменить. У иллюминатора сидел русский бизнесмен, рядом с ним я, а у прохода – женщина средних лет. На попытки завязать беседу русский ответил угрюмым безразличием, но женщина была не прочь поболтать: оказалось, она работала медицинским фонотипистом и на две недели летела в Тампу погостить у дочери и зятя. Ее звали Сара, и мы говорили на медицинские темы, пока самолет с трудом взбирался на крейсерскую высоту.

Все пять лет после китайского фейерверка правительство вливало в авиакосмическую отрасль огромные деньги, но

гражданской авиации перепадали лишь крохи от этого пирога: вот почему в воздух по-прежнему поднимались обновленные аэробусы. Основные средства уходили в проекты вроде «Перигелия»: И Ди вел дела из офиса в Вашингтоне, а Джейсон выполнял полевую работу во Флориде, изучал Спин, а в последнее время готовился к рывку на Марс. Администрация Клейтона санкционировала эти траты через покладистый конгресс, ибо всем приятно было видеть, что предпринимаются реальные попытки совладать со Спином. Это поднимало моральный дух общественности. Что еще лучше, никто не ждал мгновенных результатов.

Федеральные деньги поддерживали местную экономику на плаву – по крайней мере, на юго-западе, в окрестностях Сиэтла и на побережье Флориды, – но экономический рост был вялым, процветание хрупким, и Сара тревожилась за дочь: ее муж, лицензированный трубопроводчик, до недавнего времени работал в Тампе на дистрибьютора природного газа, но сейчас отправился в неоплачиваемый отпуск на неопределенный срок. Семья жила в трейлере на федеральное пособие и при этом воспитывала трехлетнего внука Сары по имени Бастер.

– Согласитесь, необычное имя для мальчика, – говорила она. – Бастер, ну прямо как Бастер Китон, звезда немого кино. И вот что любопытно: ему действительно подходит это имя!

Я заметил, что имена чем-то похожи на одежду. Бывает,

ты носишь имя, а бывает наоборот: имя носит тебя. «Да что вы говорите, Тайлер Дюпре!» – воскликнула Сара, и я глупо улыбнулся.

– Одного не могу понять, – тараторила она, – как в наше время молодые люди решаются завести ребенка. Как бы ужасно это ни звучало. Разумеется, против Бастера я ничего не имею, люблю его всей душой и желаю ему долгой счастливой жизни. Но то и дело задумываюсь, какова вероятность, что мое пожелание сбудется.

– Иногда людям нужна причина, чтобы надеяться, – предположил я.

Не эту ли простую истину хотела донести до меня Жильель?

– С другой стороны, – сказала Сара, – многие принципиально отказываются рожать детей, утверждая, что ими движет милосердие. Вроде как лучший способ проявить заботу о ребенке – избавить его от грядущих страданий, уготованных всем нам.

– Думаю, никто не знает, что нам уготовано.

– Ну а как же точка невозврата и все такое?

– Она уже пройдена, но мы все еще живы. По той или иной причине.

Сара изогнула бровь дугой:

– Считаете, на то есть причины, доктор Дюпре?

Мы еще немного поболтали; потом Сара объявила, что ей обязательно надо поспать, подложила под шею миниатюр-

ную подушку и откинулась на подголовник. В иллюминаторе, частично скрытом фигурой безучастного русского, виделось угольно-черное ночное небо. Смотреть там было не на что, кроме отражения лампочки, расположенной над моим креслом; приглушив свет, я уперся взглядом в колени.

По глупости я сдал все свое чтение в багаж, но в кармашке кресла перед Сарой обнаружился потрепанный журнал в простой белой обложке. Потянувшись, я вытащил его и прочел название: «Врата». Религиозное издание. Его, наверное, оставил прежний пассажир.

Я пролистал журнал, предсказуемо подумав о Диане. За годы, прошедшие с неудачного удара по артефактам Спина, в движении «Новое Царствие» произошел раскол. Основатели отреклись от него, а счастливая концепция полового коммунизма потерпела крах под давлением венерических заболеваний и присущего людям собственничества. Сегодня уже никто, включая даже тех, кто находился в авангарде ультрамодных религиозных течений, не называл себя последователем «Нового Царствия» без поясняющих дополнений – «я гекторианец, претерист (полный или частичный), реконструкционист Царствия», кто угодно, только не член НЦ. Круг экстазиса, по которому Саймон с Дианой пустились летом нашей встречи в Беркширах, распался.

С демографической точки зрения ни одна из выживших фракций НЦ не представляла из себя ничего особенного. Одни лишь «Южные баптисты» превосходили численностью

все секты «Царствия», вместе взятые. Однако благодаря миллениаристской сущности, это движение внесло свою диспропорциональную лепту в религиозное беспокойство, окружавшее Спин. Отчасти из-за «Нового Царствия» шоссе пестрели билбордами, провозглашающими наступление Великой скорби, а множеству традиционных церквей пришлось обратить самое пристальное внимание на вопрос Апокалипсиса.

Журнал «Врата» оказался печатным органом фракции реконструкционистов Западного побережья, предназначенным для широкого круга читателей: после передовицы, осуждающей кальвинистов и ковенантеров, шла трехстраничная подборка рецептов, а дальше – колонка кинообозревателя. Но внимание мое привлекла статья под названием «Ритуальное кровопролитие и юница» – что-то про огненно-рыжую телку, которая появится на свет «во исполнение пророчества» и будет принесена в жертву на Храмовой горе в Израиле, дабы возвестить о Вознесении. По всей видимости, «новоцарственное» искупление грехов посредством веры в Спин вышло из моды. «Ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному», Евангелие от Луки 21:35. Не освобождение, а сеть. Пора бы сжечь какое-нибудь животное, ибо до людей начинало доходить, что Великая скорбь – дело весьма хлопотное.

Я сунул журнал обратно в карман на спинке сиденья, и тут самолет угодил в зону турбулентности. Сара нахмурилась, но не проснулась. Русский бизнесмен вызвал бортпроводницу

и заказал виски «Сауэр».

* * *

В правой передней дверце автомобиля, который следующим утром я взял напрокат в Орландо, имелись два пулевых отверстия – зашпаклеванные, закрашенные, но все равно заметные. Я спросил у работника, нет ли других вариантов.

– Последний на парковке, – сообщил он, – но если готовы подождать пару часов...

Нет, сказал я, этот меня устроит.

Я выехал на Пятьсот двадцать восьмую скоростную автостраду – ее еще называют кратчайшей, – а потом свернул на юг, на Девяносто пятое шоссе. Остановился позавтракать в придорожном кафе «У Денни» на въезде в Коко-Бич, где официантка – почуяв, наверное, мою душевную беспризорность – не поскупилась на кофе.

– Долгий перегон?

– Осталось не больше часа.

– В таком случае, считай, уже приехали. Вы домой или в гости? – Она поняла, что я сам не знаю ответа, и улыбнулась. – Там разберетесь, любезный. Все рано или поздно встанет на места.

В обмен на добрые слова я оставил ей абсурдно щедрые чаевые.

Научный городок «Перигелия» (Джейсон называл его

неприятным словом «зона») располагался несколько южнее мыса Канаверал и Космического центра Кеннеди – мест, где стратегические планы воплощали в реальные дела. «Фонд перигелия» давно уже стал официальным правительственным ведомством, но не являлся подразделением НАСА, хотя «сотрудничал» с агентством на уровне взаимообмена инженерно-техническим персоналом. В некотором смысле «Перигелий» выполнял функции бюрократической надстройки над НАСА, появившейся с подачи правительства вскоре после того, как стартовал Спин, и теперь дряхлое агентство получило возможность развиваться в новых направлениях – тех, которые его престарелые боссы не способны были предвидеть, да и вряд ли одобрили бы. И Ди властвовал над руководящим комитетом, а Джейсон осуществлял оперативный контроль за прикладными разработками.

Становилось все жарче; флоридская духота, казалось, исходила от самой земли. Почва сочилась влагой, словно грудинка на решетке гриля. Я миновал ряды взъерошенных пальметто, выцветшие лавчонки для серферов, придорожные канавы с застоявшейся изумрудной водой и по меньшей мере одно место преступления: полицейские автомобили окружили черный пикап, трое мужчин лежали на горячем металлическом капоте – руки за спиной, запястья перехвачены гибкими наручниками. Коп, регулировавший движение, внимательно изучил номер моей прокатной машины и махнул рукой: дескать, проезжай. Блестящие глаза поли-

цейского смотрели на мир с характерной для его профессии подозрительностью.

* * *

Добравшись до места, я увидел, что «зона», вопреки названию, не такое уж мрачное место. Посреди опрятной зеленой лужайки раскинулся современный чистенький промышленный комплекс в розово-оранжевых тонах; забор был внушительный, но гнетущего впечатления не производил. Из сторожки вышел охранник. Он пристально всмотрелся в салон машины, попросил меня открыть багажник, порылся в сумках и коробках с пластинками, после чего выдал мне временный пропуск с клипсой и рассказал, где найти парковку для посетителей («за южным крылом свернете налево, хорошего дня»). От пота его насквозь промокшая синяя форма стала почти черной.

Едва я вышел из машины, как из дверей матового стекла с надписью «Регистрация посетителей» появился Джейсон. Он пересек полоску травы, ступил на раскаленную пустыню парковки, замер в ярде от меня, как будто я мог развеяться, словно мираж, и воскликнул:

– Тайлер!

– Привет, Джейс, – улыбнулся я.

– Ну у вас и машина, доктор Дюпре! – усмехнулся он. – Напрокат взял? Велю кому-нибудь отогнать ее назад в Ор-

ландо, а тебе подберем что-нибудь получше. Нашел, где остановиться?

Я напомнил, что он взялся решить и этот вопрос.

– О да, мы его решили. Вернее, решаем. Ведем переговоры насчет одного местечка в двадцати минутах отсюда. С видом на океан. Все будет готово через пару дней. Пока придется перекантоваться в гостинице, но это легко устроить. Ну так что мы стоим? Довольно поглощать ультрафиолет!

Я проследовал за ним в южное крыло комплекса. По пути меня насторожила его походка: Джейсон слегка кренился влево и берег левую руку.

В помещении нас тут же накрыло волной арктической свежести из кондиционера; здесь пахло так, словно воздух выкачивали из стерильных подземных хранилищ. В фойе было много гранита, сверкающей кафельной плитки и безупречно вежливых охранников.

– Так рад, что ты приехал, – не унимался Джейс. – Понимаю, сейчас не время, но я хотел бы устроить тебе небольшую экскурсию. Чтобы ты осмотрелся. В конференц-зале ждут люди из «Боинга». Парень из Торренса и еще один из Сент-Луиса, работает в группе компаний «Ай-ди-эс». Ксеноновый апгрейд, эти ребята им очень гордятся, сумели выжать из ионных двигателей чуть больше производительности, как будто для нас это имеет сколько-нибудь заметное значение. Говорю им, ювелирные тонкости не нужны, нам требуется надежность, простота...

– Джейсон, – перебил я.

– ...а они... Что?

– Дай вздохнуть.

Он взглянул на меня раздраженно и упрямо. Все же решил уступить, расхохотался и сказал:

– Извини. Просто помнишь... ну, как в детстве, когда кому-то из нас покупали новую игрушку и нам обязательно надо было ею похвастаться?

Новые – или, по крайней мере, дорогие – игрушки обычно покупали не мне, а Джейсу. Но да, покивал я, помню.

– Что ж, такое сравнение покажется бездумным любому, кроме тебя, Тайлер, но у нас здесь самый большой на свете сундук с игрушками. Так позволь уж похвастаться! А потом уладим твои вопросы. Дадим тебе время на акклиматизацию. Если здесь вообще можно акклиматизироваться.

Итак, я прошелся с ним по первым этажам всех трех крыльев здания, прилежно восторгаясь конференц-залами, рабочими кабинетами, громадными лабораториями и инженерными цехами, где разрабатывали опытные образцы или тасовали колоду целей и задач, прежде чем подключить к делу прожорливых подрядчиков. Все очень интересно и совершенно непонятно. Наконец мы оказались в служебном медицинском центре, где меня представили моему предшественнику, врачу по имени Кениг; тот без энтузиазма пожал мне руку и отбыл, бросив через плечо: «Удачи вам, доктор Дюпре».

К тому времени пейджер Джейсона пропищал уже столько раз, что игнорировать его и дальше не оставалось никакой возможности.

— Люди из «Боинга», — пояснил он. — Нужно выразить восхищение их энергетическим прорывом, чтобы не набычились. Найдешь дорогу в фойе? Там тебя ждет Шелли, мой личный ассистент. Поможет тебе снять номер. Позже поговорим. Тайлер, не представляешь, как я рад снова тебя видеть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.